

Машины как я

Автор:

[Иэн Макьюэн](#)

Машины как я

Иэн Макьюэн

Внутри сферы. Проза Иэна МакьюэнаИнтеллектуальный бестселлер

В своей новой книге один из лучших британских писателей задает самые важные вопросы: что делает нас людьми? Что определяет наши поступки и внутренний мир? Может ли машина понять человеческое сердце? В центре сюжета – альтернативная история. Британия проиграла Фолклендскую войну, а Алан Тьюринг сделал прорыв в создании искусственного интеллекта: этот мир отличен от нашего, и даже любовь в нем живет по другим законам. В альтернативном Лондоне 1980-х заблудший неудачник Чарли влюбляется в Миранду – девушку, в прошлом которой большая тайна. Когда Чарли вдруг разживается деньгами, он первым делом покупает Адама – одного из первых андроидов. Вместе с Мирандой они создают Адаму личность. Новое существо – почти идеальный человек. И вскоре троица образует любовный треугольник.

Иэн Макьюэн

Машины как я

Посвящается Грэму Митчисону (1944–2018)

Но наш закон должны вы все-таки принять; Не различаем мы, где правда, а где ложь...

Редьярд Киплинг, Секрет машин[1 - Перевод Владимира Филиппова.]

Ian McEwan

MACHINES LIKE ME

Copyright © Ian McEwan 2019

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Это было чаянием религиозного порядка, святым граалем науки. Наши амбиции простирались везде и всюду – претворить в жизнь миф о сотворении через чудовищный акт себялюбия. Как только это стало возможным, мы не могли не поддаться такому соблазну – и будь что будет. Выражаясь возвышенным слогом, мы вознамерились избежать смертности, бросить вызов или даже заместить Бога-творца, создав собственное идеальное подобие. Говоря приземленнее, мы задались целью разработать улучшенную, обновленную версию самих себя и, достигнув в этом мастерства, возликовать в изобретательском экстазе. Наконец-то на закате двадцатого века был сделан первый шаг на пути исполнения древней мечты и положено начало долгого урока, который мы должны будем усвоить, состоящего в том, что при всей нашей неоднозначности и ущербности, при всех сложностях описания даже наших простейших действий и способов бытия мы поддаемся имитации и улучшению. И мне довелось оказаться на этом зябком рассвете, будучи молодым человеком, исполненным наивности и энтузиазма, в роли приемного родителя.

Однако образ успел стать клише задолго до того, как появились первые искусственные люди, поэтому некоторые восприняли их с разочарованием. Воображение – смелее, чем история и технический прогресс, – уже проработало это будущее в книгах, фильмах и телесериалах, как будто актеры с особым остекленелым взглядом, дергаными движениями головы и скованной осанкой

могли подготовить к жизни с нашими будущими братьями.

Я относился к оптимистам и стал обладателем неожиданных средств, полученных от продажи фамильного дома после смерти матери, который, как оказалось, был расположен в дорогом районе застройки. Первый по-настоящему полноценный искусственный человек с адекватным интеллектом и внешностью, правдоподобными движениями и мимикой поступил в продажу за неделю до начала безнадежной Фолклендской кампании[2 - Речь идет о войне между Аргентиной и Великобританией, продлившейся с 2 апреля по 14 июня 1982 года. В настоящем романе, в отличие от действительности, победила Аргентина. - Здесь и далее прим. пер.]. Адам стоил восемьдесят шесть тысяч фунтов стерлингов. Арендовав микроавтобус, я привез его к себе домой, в мою неприглядную квартирку в Северном Клэпеме. Это было безрассудное решение, но меня обнадеживала новость, что сэр Алан Тьюринг[3 - Алан Тьюринг (1912-1954) - английский математик, логик, криптограф, оказавший большое влияние на развитие информатики. В настоящем романе он прожил намного дольше, чем в действительности.], герой войны и непревзойденный гений цифрового века, заказал себе такую же модель. Он, вероятно, собирался разобрать ее на части в своей лаборатории, чтобы досконально изучить внутреннее устройство.

Двенадцать роботов первой партии носили имя Адам, тринадцать - Ева. Подход мещанский - все это признавали, - впрочем, коммерчески оправданный. Соображения о строгом расовом различии были отброшены наукой, так что эти двадцать пять экземпляров представляли собой широкое этническое разнообразие. Пошли слухи, а позднее жалобы, что робота-араба невозможно отличить от робота-еврея. Произвольное программирование и личные наклонности давали всем полную свободу в сексуальных предпочтениях. К концу первой недели все Евы были раскуплены. Мой Адам для постороннего наблюдателя мог сойти за турка или грека. Он весил 170 фунтов[4 - 77 кг.], так что мне пришлось обратиться за помощью к Миранде, соседке сверху, чтобы втащить его в дом на прилагавшихся к нему одноразовых носилках.

Пока заряжались батареи, я сварил нам с Мирандой кофе, а затем пролистал 470-страничную электронную инструкцию. Ее язык, по большей части, отличался ясностью и четкостью. Но Адам был совместным продуктом нескольких фирм, и местами инструкция напоминала очаровательную поэму-нонсенс. «Извлеките наружу вверх вставку В347к для безопасного доступа к эмограмме с выходом на материнскую плату для смягчения полутоннов эмоциональных перепадов».

Итак, картон и пенопласт лежали у его ног, а обнаженный Адам сидел с закрытыми глазами за моим крошечным кухонным столом, и из пупка у него выходил черный шнур, подключенный к стенной розетке мощностью в тринадцать ампер[5 - Одна из стандартных мощностей бытовых электросетей в Англии.]. Для зарядки требовалось шестнадцать часов. С последующей загрузкой обновлений и личных предпочтений. Я хотел, чтобы он ожил прямо сейчас, Миранда тоже желала этого. Словно молодые родители, мы жадно ждали его первых слов. Как мы знали из восторженной рекламы, он говорил не с помощью дешевой звуковой системы, скрытой в грудной клетке, но образовывал звуки речи за счет собственного дыхания, языка, зубов и неба. Его кожа, казавшаяся живой, уже была теплой на ощупь и нежной, как у ребенка. Миранда утверждала, что видит, как шевелятся его глаза под веками. Я же был уверен, что она видит вибрацию от движения подземки, проходившей в сотне футов под нами, но я ничего не сказал.

Адам не был секс-игрушкой. Тем не менее он был способен заниматься сексом и обладал слизистыми оболочками, для работы которых ему требовалось потреблять пол-литра воды ежедневно. Глядя на него, сидевшего у стола, я не мог не отметить его густую и темную лобковую растительность и необрезанный член внушительных размеров. Эта высококлассная модель искусственного человека, несомненно, отражала пристрастия своих молодых разработчиков. Адамы и Евы – так было задумано – должны отличаться цветущим видом.

В рекламе его преподносили как компаньона, партнера по интеллектуальным баталиям, друга и личного помощника, который мог мыть посуду, заправлять постель и «думать». Каждый миг своего существования он записывал все, что слышал и видел, и мог использовать эти данные. Однако ему не разрешалось водить автомобиль, плавать и принимать душ или находиться под дождем без зонта, а также работать с цепной пилой без присмотра. Что касается продолжительности работы, то – спасибо превосходным аккумуляторным батареям – он мог пробегать до семнадцати километров за два часа без подзарядки или, в виде эквивалента энергозатрат, вести общение в течение двенадцати дней. Жизненный цикл Адама составлял двадцать лет. У него была аккуратная фигура, угловатые плечи, смуглая кожа и густые темные волосы, зачесанные назад; узкое лицо с чуть крючковатым носом, как бы намекавшим на острый ум, задумчивые глаза под тяжелыми веками и плотно сжатые губы, цвет которых менялся на наших глазах от трупного изжелта-белого до насыщенного телесного, а уголки рта словно чуть расслаблялись. Миранда сказала, что он напоминает ей «портового грузчика с Босфора».

Перед нами сидел венец индустрии развлечений, воплощенная мечта веков, триумф гуманизма или же его ангел смерти. Он будоражил сверх всякой меры, но и вызывал досаду – смотреть на него и ждать шестнадцать часов. Я думал, что за ту сумму, что я уплатил после ланча, Адам будет уже полностью заряжен и в рабочем состоянии. За окном был промозглый день, клонившийся к вечеру. Я поджарил тосты, и мы выпили еще кофе. Миранда, стипендиат-докторант по социальной истории, сказала, что хотела бы, чтобы рядом с нами была юная Мэри Шелли, лицезрящая не монстра Франкенштейна, а этого обретающего жизнь очаровательного смуглокожего молодого человека. Я сказал, что оба эти создания имеют кое-что общее – для оживления им требуется электричество.

– Как и нам, – сказала она так, словно имела в виду только нас двоих, а не всех представителей человечества и их электрохимические процессы.

Ей исполнилось двадцать два года, и она была на десять лет моложе меня, хотя выглядела старше. Спустя десятилетия я думаю, что разница была не так уж велика. Мы оба были восхитительно молоды. Но я считал, что мы находимся на разных жизненных этапах. Мое формальное образование было давно окончено. Я считал себя слишком побитым жизнью и безнадежным циником для такой славной молодой женщины, как Миранда. И пусть она была прекрасна – светлорусые волосы, тонкое продолговатое лицо и вдумчивые глаза с затаенной смешинкой – и пусть в какие-то моменты я смотрел на нее в изумлении, я изначально отвел ей роль доброй, дружелюбной соседки. Мы то и дело сталкивались в прихожей, а ее квартирка располагалась прямо над моей. Мы периодически заглядывали друг к другу на чашку кофе и болтали об отношениях, политике и всяком таком. Она держалась потрясающе нейтрально и, казалось, с радостью приняла бы любое развитие событий. У меня было такое ощущение, что вечер интимной близости со мной для нее был бы равнозначен целомудренной дружеской беседе. Она была со мной совершенно естественна, и я внушил себе, что секс все бы испортил. Так что мы оставались приятелями. Но в ней была какая-то манящая загадка, что-то тайное. Возможно, я, сам того не зная, был влюблен в нее уже много месяцев. Сам того не зная? Что за дурацкая отговорка!

Мы с неохотой согласились на какое-то время отвлечься от Адама и друг от друга. У Миранды намечался семинар на северной стороне реки, а мне нужно было писать электронные письма. Когда-то цифровая коммуникация считалась верхом удобства, но к началу семидесятых она утратила ощущение новизны и сделалась обычным рабочим инструментом. Как и поезда со скоростью двести

пятьдесят километров в час – грязные и забитые до отказа. Устройства с распознаванием речи – чудо пятидесятых – давно стали повседневностью, так что теперь массы людей ежедневно гробят несколько часов своего времени, упражняясь в красноречии перед машиной. А интерфейс с мысленным управлением – дикий плод жизнелюбивых шестидесятых – теперь не способен увлечь даже ребенка. То, ради чего люди отстаивали очереди все выходные, полгода спустя увлекало их не больше, чем собственные носки. Что стало со шлемами умственной прокачки и говорящими холодильниками, распознающими запахи? Они разделили судьбу ковриков для мыши, борсеток с калькуляторами, электрических резачков и наборов для фондю. А будущее продолжало манить нас из прекрасного далека. Наши дивные новые игрушки успевали заржаветь еще до того, как мы доставляли их домой, а жизнь шла своим чередом.

Сможет ли наскучить Адам? Нелегко диктовать письма, когда ты с трудом подавляешь мандраж перед новой покупкой. Несомненно, новые люди и новые умы будут продолжать нас очаровывать. Учítывая, что искусственные люди становятся все более похожими на нас, они должны со временем сравняться с нами, а затем превзойти, так что наскучить нам они не смогут. Удивление – вот неизменное чувство, вызываемое ими. От них можно ожидать любого самого невероятного подвоха. Они могут стать источником трагедии, но никак не скуки.

Но руководство пользователя всегда наводило на меня тоску. Инструкции. Я был убежден, что любая машина, принцип управления которой не очевиден пользователю, себя не оправдывает. Повинуясь давней привычке, я распечатывал руководство и искал скоросшиватель. И продолжал диктовать письма.

Я не мог считать себя «пользователем» Адама. Я полагал, что всему, что понадобится знать о нем, он сможет научить меня сам. Но руководство у меня в руках раскрылось на четырнадцатой главе – и вот, пожалуйста: предпочтения; личностные параметры. И заголовки: доброжелательность; экстраверсия; открытость новым впечатлениям; добросовестность; эмоциональная устойчивость. Этот перечень был мне знаком. Пять факторов модели личности. Как человек с гуманитарным образованием, я воспринимал такую категоричность с подозрением, хотя мой приятель, психолог, говорил, что каждая из этих категорий подразделяется на множество подгрупп. Взглянув на следующую страницу, я увидел, что мне нужно установить различные настройки по десятибалльной шкале.

Я-то ожидал, что получу друга. Я собирался относиться к Адаму как к гостю в моем доме, как к незнакомцу, с которым мне предстоит познакомиться. Я думал, он прибудет ко мне с оптимальными настройками. Заводские настройки – современный синоним судьбы. Друзья, родственники и подруги – все они входили в мою жизнь с «готовыми настройками», с набором качеств, определявшихся генами и внешней средой. И я ожидал того же от своего нового дорогостоящего друга. Зачем мне с этим ковыряться? Но я, разумеется, знал ответ. Мало кто из нас имеет оптимальные настройки. Добрый Иисус? Смирный Дарвин? По одному на каждые тысячу восемьсот лет. Даже если бы наилучшие, наименее вредоносные качества личности были известны, что было невероятно, корпорация с мировым именем и безупречной репутацией не могла пойти на такой риск. Caveat emptor[6 - Дословно «осмотрительный покупатель» (лат). Принцип торговли, состоящий в том, что покупатель несет ответственность за проверку качества приобретаемого товара.].

Когда-то Бог послал на благо своему Адаму полностью готовую спутницу. Я же должен был разработать себе спутника самостоятельно. Передо мной была экстраверсия и размеченный по баллам набор детских утверждений. «Он любит быть стержнем и душой компании» и «Он знает, как увлечь людей и повести их за собой». И в самом низу: «Он испытывает дискомфорт в присутствии других людей» и «Он предпочитает держаться в стороне». А вот что было посередине: «Он любит побыть в хорошей компании, но всегда рад вернуться домой». Это про меня. Но следует ли мне создавать собственную копию? Если бы я выбирал средние значения по каждой шкале, я мог бы создать воплощенную посредственность. Антонимом которой, похоже, была экстраверсия. Там имелся длинный перечень определений с окошками для галочек: гуляка, застенчивый, темпераментный, болтливый, замкнутый, хвастливый, скромный, дерзкий, энергичный, прихотливый. И я не хотел ничего из этого – ни для него, ни для себя.

За исключением отдельных безумных решений большая часть моей жизни, особенно когда у меня никого не было, проходила в состоянии эмоциональной нейтральности, когда моя личность – что бы она собой ни представляла – пребывала в режиме автопилота. Я не был ни дерзким, ни замкнутым. Я просто был – не в радости и не в печали – и решал какие-то задачи, думал о еде или о сексе, глазел на экран, принимал душ. Мимолетные сожаления о прошлом, периодическая тревога за будущее и редкие моменты осознания настоящего, не считая очевидной чувственной реальности. Психология, когда-то уделявшая столько внимания бесчисленным проявлениям психических аномалий, теперь была увлечена тем, что считала всеобщими эмоциями, – от скорби до восторга.

Но она упускала из виду значительную часть повседневного существования: при отсутствии болезней, голода, войны и других факторов стресса большая часть жизни проходит в нейтральной зоне, в знакомом саду, только сером, ничем не примечательном, о котором мы почти не думаем и с трудом можем описать.

В то время я не мог знать, что эти размеченные по баллам установки повлияют на Адама мало. Действительно важным фактором было то, что называлось «машинным обучением». Справочник пользователя просто давал людям иллюзию влияния и контроля, подобную той, что испытывают родители в отношении своих детей. Это была уловка, призванная привязать меня к покупке и обеспечить юридическую защиту производителя. «Дайте себе время, – советовало руководство. – Выбирайте осмотрительно. Если нужно, пусть это займет у вас несколько недель».

Через полчаса я снова взглянул на него. Никаких изменений. Все так же сидит за столом, вытянув руки перед собой, с закрытыми глазами. Но мне показалось, что его иссиня-черные волосы чуть взъерошились и поблескивали, словно после душа. Подойдя ближе, я с восторгом заметил, что, несмотря на отсутствие дыхания, в левой части груди стал просматриваться пульс, устойчивый и спокойный, частотой, насколько я мог определить, примерно раз в секунду. Меня это приободрило. У него не было крови, чтобы качать ее по телу, но имитация производила впечатление. Мои сомнения слегка улеглись. Возникло побуждение заботиться об Адаме, хотя я понимал его абсурдность. Я протянул к нему руку и приложил к области сердца, ощутив ладонью мерную, ровную пульсацию. Я почувствовал, что нарушаю его личное пространство, так легко верилось в показатели биологической активности. Тепло его кожи, твердость и эластичность мускулов под ней – мой разум говорил мне, что это пластик или что-то подобное, но чувства уверяли, что я касаюсь живой плоти.

Жутковатое было ощущение – стоять перед голым человеком и отмечать в себе борьбу между тем, что я знал и что чувствовал. Я зашел ему за спину, отчасти из опасения, что он откроет глаза и увидит, как я над ним нависаю. Шея и спина у него были мускулистыми. Линию плеч отмечала темная поросль. Ягодицы и икры также казались атлетически рельефными. Мне не хотелось супермена. Я снова запоздало пожалел, что не выбрал Еву.

На выходе из комнаты я оглянулся и пережил одно из тех мгновений, которые способны нас обескуражить, – шокирующее осознание очевидного, абсурдно внезапное принятие того, что ты и так уже знал. Я стоял, положив одну руку на

дверную ручку. Должно быть, это озарение нашло на меня из-за наготы Адама, из-за его физического присутствия, хотя я не смотрел на него. Я смотрел на масленку. А также на две тарелки и чашки, два ножа и две ложки, лежавшие на столе. Следы моего долгого вечера с Мирандой. Два деревянных стула были отставлены от стола и компанейски повернуты друг к другу.

За последний месяц мы как-то сблизились. И общались так свободно. Я понял, как она мне дорога и как могу потерять ее по своей беспечности. Я уже должен был что-то ей сказать. А не принимать как должное. Между нами могло встать любое происшествие, любой человек, какой-нибудь соученик. Ее лицо, ее голос, все ее поведение – и сдержанное, и прямодушное – так отчетливо увиделись мне. И то, как она брала меня за руку, когда бывала растерянна или чем-то увлечена. Да, мы стали очень близки, и я не успел заметить, как это случилось. Я был идиотом. Я должен был ей признаться.

Я вернулся в свой кабинет, служивший мне также спальней. Между кроватью и столом оставалось достаточно места, чтобы прохаживаться взад-вперед. Теперь мысль о том, что Миранда ничего не знает о моих чувствах, наполняла меня тревогой. Меня охватывало смущение, когда я пытался представить, как скажу ей об этом, я боялся ее возможной реакции. Она была моей соседкой, другом, почти что сестрой. Но я даже толком не знал ее. И когда я скажу ей об этом, ей придется как бы выйти на свет, снять маску и говорить со мной такими словами, каких я от нее никогда еще не слышал. Мне так жаль... Ты мне очень нравишься, но, видишь ли... Или это может ужаснуть ее. Но что, если она будет несказанно счастлива, услышав то, о чем сама мечтала, но так же боялась услышать отказ.

Так совпало, что в тот момент мы оба были свободны. Должно быть, она уже думала об этом, думала о нас. Это была не такая уж невозможная фантазия. Мне придется сказать ей об этом прямо, лицом к лицу. Невыносимо. неизбежно. И так я ходил по кругу, уговаривая себя все сильнее. Не находя покоя, я опять вышел за дверь. Пересек кухню к холодильнику и вынул полбутылки белого бордо. Адам все так же сидел на месте. Я сел напротив него и поднял бокал. За любовь. Теперь он не вызывал у меня прежней теплоты. Я увидел Адама именно тем, чем он был, – синтетическим парнем, чей пульс объяснялся устойчивыми электроразрядами, а кожа была теплой просто из-за химии. Когда он зарядится, какой-то микроскопический маховик даст ему сигнал открыть глаза. Он как будто увидит меня, хотя на самом деле будет слеп. Точнее, незряч. Когда он активизируется, другая система обеспечит ему видимость дыхания, но не сделает его живым. Человек, переживающий новую влюбленность, знает, что значит

быть живым.

Если бы я не потратил наследство на Адама, я мог бы купить жилье на северной стороне реки, где-нибудь в районе Ноттинг-Хилла или Челси. Миранда могла бы даже жить со мной. У меня хватило бы места для всех ее книг, сложенных в коробках в гараже ее отца в Солсбери. Я увидел будущее без Адама, будущее, которое было моим до вчерашнего дня: городской дом с садом, высокие потолки с лепниной, кухня из нержавеющей стали, старые друзья заходят на обед. И повсюду книги. Что же делать? Я мог взять его – эту электронную куклу – и вернуть в магазин или продать на интерактивном рынке с небольшой уценкой. Я смерил Адама враждебным взглядом. Его руки лежали ладонями вниз на столе, ястребиное лицо было по-прежнему наклонено. Мое ребяческое увлечение железками! Еще один набор для фондю. Я заставил себя отойти от стола, пока с досады не уничтожил свой капитал ударом старого отцовского гвоздодера.

Я выпил примерно полбокала и вернулся в спальню, намереваясь погрузиться в валютные рынки Азии. Но все время пытался услышать шаги в квартире сверху. Поздним вечером я включил телик, посмотреть на Тактическую группу, которую вскоре перебросят за тринадцать тысяч километров над океаном, чтобы вернуть Британии острова, известные в прошлом как Фолклендские.

* * *

Мне было тридцать два года, и у меня в кармане не было ни гроша. То, что я потратил материнское наследство на свою причуду, стало только частью моей проблемы, однако весьма показательной. Всякий раз, как у меня заводились деньги, я делал так, что они тут же исчезали, – сжигал на волшебном костре, засовывал в цилиндр и вынимал индейку. Часто, хотя и не в этом случае, я пытался заполучить гораздо большие деньги малыми усилиями. Но в денежных махинациях, в любых полуполюгальных схемах и хитрых комбинациях для быстрого обогащения я был простофилей. Мне удавались только широкие и красивые жесты, тогда как другие действовали с умом и процветали. Они брали кредиты, вкладывали их под проценты и оставались в плюсе даже после уплаты долгов. Или у них были должности, профессии, как когда-то у меня, и они богатели более скромными, но устойчивыми темпами. Я же тем временем разбазаривал добро, повергая себя в благородные руины, а точнее, в двухкомнатную сырую квартирку на первом этаже, в глухом углу южного Лондона, между Стокуэллом и Клэпемом, с узкими улочками, не менявшимися с начала века.

Я вырос в сельской местности неподалеку от Стратфорда, в Уорикшире, и был единственным ребенком в семье музыканта и участковой медсестры. Если сравнивать меня с Мирандой, можно сказать, что в детстве я культурно голодал. У меня не было ни времени, ни места для книг или хотя бы для музыки. Поначалу я увлекся электроникой, но в итоге получил степень по антропологии во второразрядном колледже в Южном Мидлендсе; потом перевелся на курс переподготовки по юриспруденции и, сдав вступительный экзамен, выбрал специализацию в налогообложении. Через неделю после двадцать девятого дня рождения я был лишен права практики и чуть не попал за решетку. Сто часов общественных работ внушили мне стойкое отвращение к любой постоянной работе. Я получил немного денег за книгу про искусственный интеллект, которую написал наскоком, – и погорел на схеме с чудо-таблетками. Выручил неплохую сумму за сделку с имуществом – и погорел на схеме с арендой автотранспорта. Мне перепало немного ценных бумаг от любимого дяди, разбогатевшего на патенте теплового насоса, – и я погорел на схеме с медицинской страховкой.

В свои тридцать два я выживал игрой на интерактивной фондовой бирже. Очередная схема. По семь часов в день я сидел, склонившись над клавиатурой, покупая, продавая, сомневаясь, хватая воздух и ругаясь, по крайней мере, поначалу. Я читал рыночные сводки, но считал, что имею дело с произвольной системой, и полагался в основном на чутье. Бывало, вырывался вперед, бывало, плелся в хвосте, но в среднем по итогам года заработал не больше, чем почтальон. Я оплачивал жилье, в те времена дешевое, неплохо питался и одевался и считал, что моя жизнь понемногу обретает стабильность и я учусь быть в ладу с собой. Я убедил себя, что с тридцати до сорока я переплуну предыдущее десятилетие по всем показателям.

Но так совпало, что одновременно с поступлением в продажу первого реалистичного искусственного человека был продан дом моих родителей. 1982[7 - В 1982 году на киноэкраны вышел культовый фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» по роману Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?».] год. Роботы, андройды, репликанты были моей давней страстью, которая в процессе моей работы над книгой только выросла. Цены должны были вскоре снизиться, но я хотел своего робота прямо сейчас – по возможности, Еву, но сойдет и Адам.

Все могло бы повернуться по-другому. Моя бывшая подруга, Клэр, обладала чуткой душой и училась на помощницу стоматолога. Она проходила практику на Харли-стрит и наверняка сумела бы отговорить меня от покупки Адама. Она

была женщиной, умудренной в делах мира, этого мира. Она знала, как навести порядок в жизни. И не только в своей. Но я нанес ей оскорбление действием, не оставлявшим сомнений в моей неверности. И она отвергла меня, устроив сцену монаршей ярости, под конец выбросив мои шмотки из окна на улицу Лайм-Гроув[8 - Фешенебельный район в Западном Лондоне, известный шикарными отелями.]. С тех пор она оборвала со мной все контакты, а я занес ее на первое место в список своих ошибок и неудач. А ведь она могла бы спасти меня от меня.

Но. Справедливости ради дадим слово этому спасенному мне. Я купил Адама не с целью наживы. Мои помыслы были чисты. Я отдал за него состояние во имя любознательности, этого извечного двигателя науки, интеллектуальной жизни и жизни вообще. Это не было мимолетной причудой. У этого были история, учетная запись, срочный вклад – и я имел на него право. Электроника и антропология – дальние родственники, которых свел вместе и повенчал покойный модернизм. Отпрыском этого союза стал Адам.

И вот я перед вами, свидетель защиты, после школы, в пять часов вечера, типичный представитель своего времени одиннадцати лет – короткие штанишки, разбитые коленки, веснушки, стрижка с челкой. Я стою первый в очереди перед дверью лаборатории, ожидая открытия «Монтажного клуба». Председательствует мистер Кокс, добрый рыжеволосый великан, учитель физики. Мой учебный проект – собрать радио. Это акт веры, долгая молитва, растянувшаяся на много недель. У меня имеется основа из оргалита, шесть на девять дюймов, которую легко сверлить. Цвета предельно важны. По основе аккуратно проложены синий, красный, желтый и белый проводки, поворачивая под прямыми углами, исчезая и снова появляясь в других местах, перемежаемые яркими узлами, а также крохотные полосатые цилиндры – конденсаторы и резисторы, индукционная катушка, которую я сам намотал, и операционный усилитель. Я ничего в этом не понимаю. Я следую за чертежом монтажа как неопит, бормочущий Священное Писание. Мистер Кокс дает советы мягким голосом. Я неловко припаиваю одну часть – проводок или деталь – к другой. Дым и запах припоя для меня как наркотик, и я глубоко его вдыхаю. Я вставляю в устройство бакелитовый переключатель, который, как я убедил себя, когда-то стоял на истребителе, несомненно «Спитфайре»[9 - «Spitfire», дословно «плюющий огонь», – легендарный истребитель британской авиации времен Второй мировой войны (англ.)]. Конечное соединение, установленное через три месяца после начала работы, было сделано из того же темно-коричневого пластика и подсоединилось к девятивольтовой батарееке.

За окном – холодные мартовские сумерки. Другие мальчишки тоже склонились над своими проектами. Мы в двенадцати милях от родного города Шекспира, в общеобразовательной школе, типичном образце «учебного болота». Отличное место на самом деле. Включаются флуоресцентные потолочные лампы. Мистер Кокс в дальнем конце лаборатории, спиной к нам. Мне не хочется привлекать его внимание на случай, если я сплеховал. Я нажимаю на переключатель и – о чудо – слышу помехи статики. Покачиваю подвижный настроечный конденсатор – и звучит музыка, на мой вкус, жуткая, ибо скрипочки. Затем прорезается женский голос, говорящий не по-английски.

Никто не смотрит в мою сторону, никому не интересно. Сборка радио – сущая ерунда. Но у меня перехватывает дыхание, и в глазах стоят слезы. Никакая техника за всю последующую жизнь не изумит меня сильнее. Электричество, проходя через кусочки металла, тщательно собранные мной, выхватывало из воздуха голос иностранной тетки, находившейся где-то в далекой дали. Ее голос звучал так волнующе. Она не знала о моем существовании. Я никогда не узнаю ее имени и не пойму ее языка, и мы никогда не встретимся, во всяком случае намеренно. Мое радио, с неказистыми припоями на куске оргалита, представлялось мне не меньшим чудом, чем сознание, возникающее из материи.

Мозг и электричество тесно связаны – я обнаружил это в подростковые годы, когда собирал простые компьютеры и сам их программировал. Затем я стал собирать компьютеры посложнее. Электричество и кусочки металла могли вызывать к жизни цифры, слова, картинки, песни, запоминать информацию и даже переводить живую речь в текст.

Когда мне было семнадцать, Питер Кокс убедил меня взяться за изучение физики в местном колледже. Но уже через месяц я заскучал и стал думать о смене курса. Эта наука была слишком абстрактна, а математика находилась за гранью моего понимания. Кроме того, к тому времени я уже прочитал несколько книг и проникся интересом к воображаемым личностям. «Уловка-18» Хеллера, «Неистовый любовник» Фицджеральда, «Последний человек в Европе» Оруэлла, «Все хорошо, что хорошо кончается» Толстого – дальше этого я не продвинулся, но сумел уловить задачу искусства. Это было своего рода расследование. Но мне не хотелось изучать литературу – пугающе многоликую и неподвластную логике. Тогда же в библиотеке колледжа мне попался одностраничный проспект курса антропологии, определяемой как «наука о людях в их связи с обществом через пространство и время». Систематическое исследование с человеческим лицом. Я записался.

Первое, что я усвоил: мой курс финансировался до обидного слабо. Никаких полевых исследований на Тробрианских островах, где, как я читал, существовало табу на поедание пищи в присутствии других. Это считалось культурным – есть одному, повернувшись спиной к друзьям и родственникам. Островитяне знали заклинания, чтобы сделать уродливых людей красивыми. Детей активно поощряли к ранней половой жизни друг с другом. Ходовой валютой был ямс. Женщины определяли статус мужчин. Как странно и бодряще. Мои взгляды на человеческую природу были сформированы по большей части белым населением, кучковавшимся в южной части Англии. Теперь же я вырвался на просторы бескрайнего релятивизма.

В восемнадцать лет я написал премудрое эссе о понимании чести в различных культурах, озаглавленное «Кандалы помутненного разума». Я беспристрастно разбирал всевозможные примеры общественных нравов. Что я знал и что меня волновало? Встречались общества, где изнасилование считалось настолько обыденным, что даже не имело особого названия. Молодому отцу перерезали горло за то, что он не оправдал доверия в поддержании древней вражды. В одной семье были готовы убить дочь за то, что видели ее держащейся за руку с парнем из недолжной религиозной общины. А в другом месте пожилые женщины охотно участвовали в обрезании половых губ своим внукам. Где же были инстинктивные родительские побуждения любить и защищать? Культурный сигнал сильнее. Где же были всеобщие ценности? Перевернуты с ног на голову. Ничего похожего на Стратфорд-на-Эйвоне. Причины заключались в разуме, в традиции, в религии – другими словами, в программном обеспечении, как я определил это для себя, стараясь избегать оценочных суждений.

Антропологи не выносили суждений. Они наблюдали за реальностью и сообщали о разнообразии человеческих культур. Они восторгались различиями. То, что было безнравственным в провинциальном Уорикшире, считалось в порядке вещей в Папуа – Новой Гвинее. Если смотреть на все с локальной точки зрения, кто мог судить, что хорошо, а что плохо? Уж конечно, не колониальная власть. Я вывел из своих исследований ряд досадных заключений об этике, и несколько лет спустя это привело меня на скамью подсудимых в суде графства по обвинению в подстрекательстве к мошенничеству в крупных масштабах против налоговых органов. Я не стал пытаться убедить его честь, что вдали от его суда имеется кокосовый пляж, где подобное подстрекательство только приветствовалось. Напротив, перед дачей показаний ко мне вернулся здравый смысл. Моральные заповеди были реальны, они были истинны, добро и зло были заложены в самой природе вещей. И наши действия следует оценивать на этом основании. Так я полагал до того, как познакомился с антропологией. Запинаясь,

я униженно принес залу суда извинения и тем самым избежал грозившего мне приговора к лишению свободы.

* * *

Когда я утром позже обычного вошел на кухню, глаза Адама были открыты. Бледно-голубые, испещренные вертикальными черными крапинками. Ресницы были длинными и густыми, как у ребенка. Но механизм моргания еще не активировался. Он был настроен на неравные интервалы, привязан к мимике и жестам и реагировал на действия и речь других. Я все же прочитал за ночь руководство. Андроид был оснащен моргательным рефлексом для защиты глаз от летящих объектов. В настоящий момент его взгляд не выражал ни мысли, ни намерения и был таким же пустым и холодным, как взгляд манекена в витрине магазина. Голову он по-прежнему держал неподвижно, сводя на нет ее внешнее правдоподобие. Все его тело ничего не выражало. Я попробовал нащупать пульс в запястье, но безрезультатно – сердцебиение без пульса. Его рука поднималась с трудом, неподатливая в локтевом сгибе, словно скованном трупным окоченением.

Я оставил Адама в покое и стал варить кофе. Мои мысли были заняты Мирандой. Все изменилось. Ничего не изменилось. В течение почти бессонной ночи я вспомнил, что она должна была навестить отца. Наверняка поехала в Солсбери сразу после семинара. Я мысленно увидел ее в поезде от станции Ватерлоо: сидит с нечитанной книгой на коленях, смотрит на проносящийся мимо ландшафт, на волны телефонных линий и не думает обо мне. Или думает только обо мне. А может, вспоминает мальчишку с семинара, пытавшегося переглядеть ее.

Я посмотрел выпуск новостей на телефоне. Блестящая звуковая мозаика морской глади. Портсмут. Тактическая группа готова к переброске. Большая часть страны пребывала в театре грез, облачившись в исторические платья. Позднее Средневековье. Семнадцатый век. Начало девятнадцатого. Рюши, рейтузы, юбки с кринолином, напудренные парики, глазные повязки, деревянные ноги. Опрятность была непатриотичной. История определила нашу уникальность, и наш флот был обречен на успех. Телевидение и пресса подбадривали рассеянную коллективную память, перечисляя поверженных врагов: испанцев, голландцев, немцев (дважды в этом веке), французов – от Азенкура до Ватерлоо. Мимо проносились истребители. Молодой человек в

боевом снаряжении, прямым из военного училища, рассказывал репортеру о грядущих трудностях, прищуриваясь в камеру. Старший по званию говорил о непоколебимой стойкости своих солдат. Я был тронут. При всей моей антипатии к таким выступлениям я был тронут. Когда сводный оркестр волынщиков в килтах прошел маршем к трапу корабля, я воспрянул духом. Далее – снова в студию, к морским картам, размеченным стрелочками, и к обсуждению тылового обеспечения и поставленных задач, ясными уверенными голосами. К дипломатическим шагам. К премьер-министру в элегантном синем костюме, стоящему на ступенях резиденции.

У меня потеплело на душе, несмотря на то что я столько раз заявлял о своем антимилитаризме. Я любил свою страну. Что за предприятие, что за отвага. За восемь тысяч миль. Что за самоотверженные люди, рискующие своей жизнью. Я выпил на кухне еще чашку кофе, застелил постель, чтобы придать комнате рабочий вид, и уселся за компьютер, намереваясь погрузиться в мировой рынок ценных бумаг. Перспектива военных действий привела к дальнейшему снижению финансового индекса на один процент. Продолжая пребывать в патриотическом настроении, я уверился в неминуемом поражении аргентинцев и сделал ставку на фирму, производившую игрушки и рекламные сувениры, в частности, британские флажки на палочках. Я также сделал вложение в двух импортеров шампанского и сказал себе, что выход из кризиса не за горами. Часть войск перебрасывалась в Южную Атлантику усилиями торгового флота. Мой приятель, который работал в ведомстве по управлению активами в Сити, сказал, что его компания прогнозирует потопление нескольких судов. Имело смысл сократить число крупных игроков на рынке страхования и инвестировать в южнокорейское судостроение. Но подобный цинизм мне претил.

Мой компьютер, купленный в магазине подержанных вещей в пригороде Лондона, был сделан еще в середине шестидесятых и работал медленно. На то, чтобы сделать ставку на производителя флажков, у меня ушел час. Я бы управился быстрее, если бы не кавардак в мыслях. Если я не думал о Миранде и не пытался услышать наверху звук ее шагов, я думал об Адаме и о том, стоит ли мне его продавать или что-то наконец решить с его личностными настройками. Я продал серебро и еще подумал об Адаме. Купил золото и снова подумал о Миранде. Я сидел на толчке и думал о швейцарских франках. После третьей чашки кофе я спросил себя, на что еще победоносная нация может тратить свои деньги. Говядина. Пабы. Телевизоры. Я поставил на все три позиции и почувствовал себя виртуозом биржевой игры и военной экономики. Приближалось время ланча.

Я сделал сэндвич с сыром и соленым огурцом и снова сел напротив Адама. Какие-то новые признаки жизни? Кажется, ничего нового. Его взгляд, направленный за мое левое плечо, был все таким же мертвым. Ни малейшего движения. Но через пять минут я случайно взглянул на Адама и увидел, как он начал делать первый вдох. Сперва раздалась серия быстрых щелчков, а затем его губы раскрылись, и я услышал комариный писк. Полминуты ничего не происходило, потом подбородок задрожал, и он издал натуральный глотательный звук, впервые набрав полный рот воздуха. Разумеется, ему не требовался кислород. Такая метаболическая необходимость была в прошлом. Я долго дождался его первого выдоха, застыв с сэндвичем в руке. Наконец он выдохнул – бесшумно, через ноздри. Вскоре его дыхание вошло в устойчивый ритм, грудная клетка стала размеренно расширяться и сокращаться. Я оторопел. Взгляд по-прежнему оставался безжизненным, отчего Адам стал похож на дышащий труп.

Как много жизни выражают глаза. Если бы его глаза были закрыты, подумал я, он бы был похож на спящего человека. Я положил сэндвич и, подойдя к Адаму, с любопытством приблизил руку к его рту. И почувствовал его влажное и теплое дыхание. Умно. В руководстве пользователя я прочитал, что он мочится раз в день, поздним утром. Тоже умно. Я попробовал закрыть его правый глаз и задел пальцем бровь. Адам дернулся и резко отвел голову. Я вздрогнул и отпрянул. И стал ждать. Секунд двадцать, если не дольше, ничего не происходило, а затем плавным и бесшумным, бесконечно медленным движением его плечевой пояс и голова вернулись в исходное положение. Ритм его дыхания не изменился, тогда как мои дыхание и пульс ускорились. Я стоял в нескольких футах от него, зачарованный этой плавностью, напомнившей мне медленно сдувавшийся шарик. Я решил не пытаться закрыть его глаза. Пока я ждал от него еще каких-то действий, я услышал наверху шаги Миранды. Она вернулась из Солсбери. Вот, зашла в спальню и вышла. На меня опять накатило щемящее чувство невысказанной любви, и в тот момент меня впервые посетила новая идея.

* * *

Тем вечером я должен был делать деньги и терять их за своим компьютером. Вместо этого я смотрел новости, глядя с огромной высоты летящего вертолета, как головные корабли обходят Портлендский нос и приближаются к пляжу Чесил-Бич. Само название этих мест заслуживало салюта. «Просто блестяще, – думал я все время. – Вперед!» А затем: «Возвращайтесь!» Вскоре флот прошел вдоль Юрского побережья, где когда-то паслись стада динозавров, объедая

гигантские папоротники. Внезапно мы оказались на земле, среди жителей Лайм-Риджис, собравшихся на мысе. Многие были с биноклями, многие держали в руках те самые флажки, которые я представлял, – пластиковые, на деревянных палочках. Их могла раздавать новостная команда. Vox pops[10 - От vox populi – глас народа (лат.)]. Нежные голоса местных женщин из рабочего класса, переполняемых чувствами. Крутые парни, воевавшие на Крите и в Нормандии, молча кивали, держа свое мнение при себе. О, как мне хотелось тоже верить. И я верил! Длиннофокусная камера, прилаженная где-то на судовом кране, показывала крохотные капельки кораблей, которые исчезали из виду, храбро направляясь к горизонту, в бескрайнее море, под песню хрипатога Рода Стюарта, так что я с трудом сдерживал слезы.

Что за переполох будничным вечером. За моим столом сидела новая форма жизни, женщина, которую я неожиданно полюбил, находилась в шести футах над моей головой, а моя страна собиралась на старомодную войну. Но я был в меру дисциплинирован и помнил об обещанных себе семи ежедневных рабочих часах. Я выключил телевизор и перешел к экрану компьютера. Меня ожидало письмо от Миранды, на которое я так надеялся.

Я знал, что никогда не разбогатею. Суммы, которыми я оперировал, надежно распределенные между множеством вариантов, были скромны. За месяц я неплохо заработал на твердотельных батареях, но потерял почти все на фьючерсах редкоземельных элементов – дурацкий скачок в известное. Но я пренебрегал карьерой, офисной работой. Это была моя наименее губительная позиция в погоне за свободой. Я работал весь вечер, борясь с желанием взглянуть на Адама, хотя полагал, что тот уже должен был полностью зарядиться. После этого следовало загрузить в него обновления. А затем выставить эти замороченные личные предпочтения.

Перед ланчем я отправил Миранде письмо с приглашением на сегодняшний ужин. Она ответила согласием. Ей нравилось, как я готовлю. Во время еды сделаю ей предложение. Заполню примерно половину личностных характеристик Адама, а потом дам Миранде ссылку и пароль, чтобы она выставила остальное. Я не стану вмешиваться и даже спрашивать, какие качества она выберет. Она может наделить его своими качествами – восхитительно. Она может выбрать качества мужчины своей мечты – поучительно. Адам войдет в нашу жизнь как реальная личность, хитросплетения которой будут раскрываться только со временем, через различные события и взаимодействия с разными людьми. В некотором смысле он будет нашим

ребенком. То, что есть по отдельности в каждом из нас, в нем будет слито. Миранда примет участие в этом приключении. Мы станем партнерами, а Адам сделается нашей общей заботой, нашим творением. Мы станем семьей. Я придумал этот план без всякой задней мысли. Я просто хотел быть уверен, что мы с Мирандой станем больше видеться. И это будет так здорово.

Все мои схемы, по большому счету, никуда не годились. Но эта было чем-то особенным. Я действовал прямодушно и не мог подвести себя. Адам не был моим соперником в любви. И хотя Миранда была им очарована, он отталкивал ее физически. Она сама это сказала. Сказала прошлым днем, что теплота его тела казалась ей «жуткой». Она сказала, что это «немного странно», что он может вообще произносить слова. Однако словарный запас Адама не уступал шекспировскому. Любопытство Миранды пробуждал исключительно его разум.

Так что я решил не продавать Адама. Я решил разделить его с Мирандой, как мог бы разделить с ней дом. Он свяжет нас воедино. Мы будем делиться друг с другом наблюдениями обо всем, чем он нас будет радовать или разочаровывать. В тридцать два года я считал себя третьим калачом в любви. Искреннее признание ее отпугнет. Гораздо лучше будет проделать вместе такое путешествие. Она и так уже была мне другом и иногда брала меня за руку. Я начинал не с пустого места. У нее вполне могли пробудиться ко мне более глубокие чувства, как это случилось со мной. А даже если не случится, я все равно буду чаще видеть ее – и это меня утешит.

В моем древнем холодильнике с разболтанной ржавой ручкой имелась курица-корниш, четверть фунта масла, два лимона и пучок свежего эстрагона. В контейнере в дверце завалялась пара головок чеснока. В буфете лежало несколько картофелин в комьях засохшей земли, уже начавших прорастать, но если их очистить, они прекрасно зажарятся. Латук, соус, молодецкая бутылка кагора. Все просто. Для начала разогреть духовку. Эти обыденные предметы занимали меня, когда я вставал от стола. Мой старый друг, журналист, как-то сказал, что земной рай – это работать весь день в одиночестве в предвкушении вечера в интересной компании.

Еда, которую я собрался приготовить для Миранды, и ее возможный дружеский вердикт отвлекли на секунду мои мысли от Адама. Так что когда я зашел на кухню и увидел нагую фигуру, которая стояла у стола, вполоборота ко мне, и поигрывала одной рукой с проводом, выходящим из пупа, я не на шутку испугался. Другая рука задумчиво поглаживала подбородок – умный алгоритм,

ничего не скажешь, предельно убедительно изображающий углубленную в себя личность.

Преодолев шок, я сказал:

- Адам?

Он медленно повернулся. Встав точно напротив меня, он встретился со мной взглядом и дважды моргнул. Механизм работал, но казался слишком нарочитым.

- Чарли, - сказал он, - я рад наконец с тобой познакомиться. Ты мог бы настроить мои загрузки и подготовить различные параметры...

Он замолчал, пристально глядя на меня - голубые глаза с черными крапинками бегали туда-сюда, сканируя мое лицо. Затем он сказал:

- Ты найдешь всю нужную информацию в руководстве.

- Я займусь этим, - сказал я. - В свое время.

Его голос удивил меня и порадовал. Мягкий тенор приличного тембра с плавными тональными переходами, одновременно почтительный и дружественный, но без намека на угодливость. У него был типичный выговор образованного англичанина среднего класса с юга, с легчайшим налетом западных графств в гласных звуках. Мой пульс резко участился, но я старался казаться спокойным. Для большей убедительности я приблизился к нему на шаг. Мы молча глазели друг на друга.

За несколько лет до того, еще будучи студентом, я прочитал о «первом контакте», произошедшем в 1924 году между исследователем по фамилии Лихи и несколькими коренными горцами Папуа - Новой Гвинеи. Аборигены не могли понять, кто эти бледные фигуры, внезапно возникшие на их территории, люди или духи. Чтобы обсудить этот вопрос, они вернулись в свою деревню, но оставили подростка следить издали за пришельцами. Вопрос был решен, когда мальчик сообщил соплеменникам, что один из помощников Лихи отошел в кусты по большому. Теперь же, у меня на кухне, в 1982 году, чуть более полувека спустя, все было уже не так просто. Руководство пользователя сообщало, что

Адам обладал не только операционной системой, но и природой – читай, человеческой природой – и личностью, такой, к которой, как я надеялся, приложит руку Миранда. Я слабо представлял себе, как эти три субстрата скрещивались или взаимодействовали между собой. Когда я изучал антропологию, то усвоил, что всеобщей человеческой природы не существует. Она считалась романтической иллюзией, не более чем условным продуктом среды. Только антропологи, изучавшие другие культуры во всей их глубине и понимавшие всю широту и красоту человеческого разнообразия, были в состоянии постичь абсурдность идеи общечеловеческой природы. Люди, проводящие жизнь в комфорте, за стенами своих домов, ничего не знали не только об этом, но даже о собственной культуре. Один из моих преподавателей любил приводить слова Киплинга: «И что они могут знать об Англии, если все, что они знают, – это Англия?»»

Когда мне было двадцать с небольшим, эволюционная психология вновь начала утверждать идею всеобщей человеческой природы, определяемой единым генетическим наследием, независимо от времени и места. Реакция академических социологов варьировалась от пренебрежения до гнева. Привязка генов к человеческому поведению отдавала идеологией гитлеровского Третьего рейха. Но моды меняются. И создатели Адама оседлали новую волну учения об эволюции.

И вот пасмурным зимним днем он предстал передо мной, совершенно безмолвный. Остатки упаковки, предохранявшей Адама от повреждений, лежали ворохом у его ног, напоминая «Рождение Венеры» Боттичелли. Тусклый свет из окна, выходящего на север, обрисовывал половину его фигуры, одну сторону его благородного лица. Слышалось мерное тарахтение холодильника и отдаленное гудение машин на улице. И тогда я почувствовал его одиночество, висевшее на его мускулистых плечах словно гири. Он пришел в себя на обшарпанной лондонской кухне (почтовый индекс SW9), во второй половине двадцатого века, без друзей, без прошлого и какого-либо ощущения будущего. Это было истинное одиночество. Остальные Адамы и Евы, раскупленные разными людьми, рассеялись по миру, хотя, если верить слухам, семь Ев перекочевали в Эр-Рияд.

Я потянулся к выключателю и спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Он отвел взгляд и ответил:

- Мне не по себе.

На этот раз его тон был понурым, как будто вопрос лишил его присутствия духа. Хотя какой дух мог быть внутри микропроцессоров?

- А что не так?

- На мне нет одежды. И...

- Я принесу тебе. Что еще?

- Провод. Если я его выдерну, мне будет больно.

- Я это сделаю, и тебе не будет больно.

Но, чтобы сдвинуться с места, мне понадобилось время. В ярком электрическом свете я рассмотрел его лицо, выражение которого почти не менялось. Я видел не искусственное лицо, а маску игрока в карты. Без личностных качеств Адаму почти нечего было выражать. Он действовал по стандартной программе, которая должна была служить ему, пока не будет завершена загрузка. Он владел какими-то движениями, фразами, общими сведениями, сообщавшими ему внешнее правдоподобие. Он, как минимум, знал, как себя вести, но не более того. Слово человек в состоянии шока.

Наконец я признался себе, что он внушает мне страх и мне не хочется к нему приближаться. Кроме того, сказанное меня озадачило. Адам только делал вид, что способен испытывать боль, а мне приходилось верить ему и реагировать соответственно. Слишком сложно было не делать этого. Слишком сильны были побуждения человеческой природы. В то же время я не мог поверить, что он может испытывать боль и иметь чувства или вообще какую-либо чувствительность. Но, однако же, я спросил его, как он себя чувствует. Он ответил должным образом, и я, в свою очередь, сказал, что принесу ему одежду. Но я не верил ничему из этого. Я словно играл в видеоигру. Только в реальную, такую же, как социальная жизнь, доказательством чему служил мой скачущий пульс и сухость во рту.

Было очевидно, что он говорил, только если к нему обращались. Подавляя в себе побуждение сказать еще что-нибудь ободряющее, я направился в спальню и набрал кое-какой одежды. Адам был крепкого сложения, на пару дюймов ниже меня, но я подумал, что мой размер вполне ему подойдет. Кеды, носки, трусы, джинсы и свитер. Я подошел к нему и отдал ему в руки ворох одежды. Мне хотелось посмотреть, как он одевается, чтобы убедиться, что его моторика действительно так хороша, как ее расписывает руководство пользователя. Любой трехлетка знает, каких трудов стоит натянуть носки.

Передавая одежду, я уловил легкий масляный запах от верхней части его тела, а может, и от ног. Светлое масло высокой очистки, почти такое же, каким отец смазывал клапаны своего саксофона. Одежду Адам повесил на вытянутые руки, согнув их в локтях. Я наклонился и выдернул провод из его пупка; Адам даже не поморщился. Его точеное, скульптурное лицо ничего не выражало. Не более чем вилочный автопогрузчик со стопкой поддонов. Но в нем включилась какая-то логическая схема или совокупность схем, он прошептал: «Спасибо». И сопроводил сказанное выразительным кивком. Он присел, положил одежду на стол и взял сверху свитер. После недолгой паузы развернул его, расправил на столе грудью вниз, засунул внутрь правую руку, вплоть до плеча, затем левую, и путем сложных мускульных манипуляций надел на себя и оправил руками до талии. На выцветшем желтом флисе свитера краснела шуточная надпись: «Дислексии всех стран, соединяйтесь!». Одно время я состоял в благотворительном фонде. Адам распаковал носки и, не вставая, натянул их. Его движения были предельно точны. Ни малейшего колебания, никаких сложностей с определением расстояния. Он встал, взял боксерские трусы и, опустив их пониже, просунул в них ноги и надел, как положено. Так же проворно надел джинсы, застегнув молнию и пуговицу одним плавным движением. Затем сел, всунул ноги в кеды и завязал шнурки узлом с двумя петельками – все это он проделал со скоростью, невероятной для человека. Но я и не считал его человеком. Адам представлял собой триумф инженерии и программного обеспечения: шедевр человеческой изобретательности.

Я оставил его в покое и приступил к подготовке ужина. До меня донеслись шаги Миранды сверху, приглушенные, как будто ходила босиком. Вероятно, шла в ванную, чтобы прихорошиться. Для меня. Я представил ее влажной после душа, в ночной рубашке, открывающей гардероб и выбирающей белье. Шелк? Да. Персиковый? Прекрасно. Пока разогревалась духовка, я раскладывал ингредиенты на столешнице. После целого дня алчной биржевой игры ничто так не успокаивает, как приготовление еды, этого архетипа заботы о ближнем. Я оглянулся через плечо. Просто поразительно, как все меняет одежда. Адам

сидел за столом, положив локти на стол, словно мой давний приятель, ожидая, пока я налью первый вечерний бокал.

– Я собираюсь обжарить курицу в масле с эстрагоном, – сказал я ему.

Это было озорством с моей стороны, учитывая его строгую электронную диету.

Но он ответил мне, ни разу не запнувшись, самым ровным тоном:

– Хорошее сочетание. Но траву легко сжечь, пока ты подрумяниваешь птицу.

Подрумяниваешь птицу? Правильная формулировка, но нетипичная для устной речи.

– А что бы ты посоветовал?

– Накрой курицу фольгой. Судя по ее размеру, я бы сказал: на семьдесят минут при ста восьмидесяти градусах. Затем насыпь траву в сок и подрумянивай при той же температуре пятнадцать минут без фольги. Затем слей жидкость с эстрагоном и растопленным маслом.

– Спасибо.

– Не забудь дать курице постоять десять минут под салфеткой, прежде чем нарезать.

– Я знаю.

– Извини.

Не вспыхнул ли я? К началу восьмидесятых мы все давно привыкли разговаривать с роботами – в машине и дома, при обращении в торговые центры и клиники. Но Адам взвесил мою курицу, не приближаясь к ней, с другого конца помещения, и извинялся за непрошенный совет. Я снова взглянул на него. Он успел закатать рукава свитера, открыв мускулистые предплечья, и опустил подбородок на сплетенные пальцы. И это еще без личностных установок. С моей точки обзора свет подчеркивал высокие скулы, делая его похожим на крутого парня вроде

тех, что сидят за стойкой бара, внушая угрозу одним своим видом. Такие обычно не дают кулинарных советов.

Мне совершенно по-детски захотелось показать, кто здесь главный.

– Адам, – сказал я, – ты не мог бы пару раз пройтись вокруг стола? Я хочу посмотреть, как ты двигаешься.

– Конечно.

В его походке не было ничего механического. В пределах помещения он двигался размашистым шагом. Дважды обойдя стол, он в ожидании встал у стула, на котором сидел.

– А теперь ты мог бы открыть вино?

– Разумеется.

Он подошел ко мне с раскрытой ладонью, и я вложил в нее штопор. Это была складная рычажная модель, какую предпочитают сомелье. Адам справился без труда. Он поднес пробку к носу, затем открыл буфет и достал бокал, налил на полпальца и протянул мне. Пока я пробовал, Адам пристально на меня смотрел. Вино было далеко не первого и даже не второго сорта, но пробкой не отдавало. Я кивнул, он наполнил бокал и осторожно поставил его рядом с плитой. Затем я стал готовить салат, а он вернулся на свое место.

Полчаса, во время которых ни один из нас не сказал ни слова, пролетели мирно. Я сделал приправу для салата и картофельное пюре. Мои мысли были заняты Мирандой. Я был убежден, что достиг одной из поворотных точек в жизни, где дорога, ведущая в будущее, разделяется. По одной дороге жизнь будет идти по-прежнему, по другой пойдет иначе. Любовь, приключения, воодушевление, но и порядок, благодаря моей новой зрелости, никаких больше безумных схем, общий дом, дети. Или два последних пункта были безумными схемами? Миранда была милейшим созданием, добрым, прекрасным, очаровательным, очень образованным...

Какой-то негромкий звук вернул меня к реальности. Звук повторился, я обернулся. Адам по-прежнему сидел на своем месте, за кухонным столом. И раз за разом делал не что иное, как покашливал.

- Чарли, насколько я понимаю, ты готовишь для своей подруги сверху. Миранды.

Я ничего не ответил.

- По моим наблюдениям за последние несколько секунд и по результатам проведенного анализа, тебе не следует полностью ей доверять.

- Что?

- По моим...

- Объяснись.

Я сердито уставился в бесстрастное лицо Адама. И он проговорил тихим сочувствующим голосом:

- Есть вероятность, что она лгунья. Систематическая, злонамеренная лгунья.

- То есть?

- Это займет минуту, но она уже спускается по лестнице.

Его дыхание было ровнее моего. Через несколько секунд раздался мягкий стук в дверь.

- Если хочешь, я выскажу это.

Я ничего не ответил. Я пришел в настоящее бешенство. Я направился в маленькую прихожую совсем не в том настроении, как хотел бы. Кем или чем была эта идиотская машина? С какой стати мне было с ней считаться?

Я распахнул дверь – и Миранда предстала передо мной: в элегантном голубом платье, игриво улыбаясь мне, с букетиком подснежников в руке. Никогда еще она не была так хороша.

2

Прежде чем Миранда смогла поработать над характером Адама, прошло несколько недель. Ее отец болел, и она то и дело ездила в Солсбери за ним ухаживать. К тому же ей нужно было писать работу о реформе Хлебного закона[11 - Хлебные законы – законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 годами.] в девятнадцатом веке и его последствиях на примере одной улицы в некоем городке в Херефордшире. Академическое движение, известное в основном как «теория», взяло социальную историю «натиском» – это ее слова. А поскольку Миранда обучалась в традиционном университете, предлагавшем использовать для описания прошлого старомодные нарративные модели, ей требовалось освоить новый словарь, новый способ мышления. Иногда, когда мы лежали бок о бок в постели (вечер с курицей удался), я выслушивал ее жалобы и старался с самым заботливым видом сказать что-нибудь приятное. Следовало отказаться от идеи, что какое-то действие, произошедшее в прошлом, могло быть реальным. Существовали только исторические документы, пригодные для изучения, и меняющиеся подходы ученого сообщества к ним наряду с нашим собственным переменчивым отношением к этим подходам – и все это определялось идеологическим контекстом, уровнем власти и благосостояния, расовой и классовой принадлежностью, полом и сексуальной ориентацией.

Ничто из этого не казалось мне важным или хотя бы интересным. Но об этом я помалкивал. Мне хотелось поддерживать Миранду во всем, что она думала и делала. Любовь щедра. Кроме того, мне самому нравилось считать, что все, случившееся в прошлом, было не более чем нашим мнением об этом. При новой парадигме минувшее теряло вес. Я всю передельывал себя и стремился забыть собственное недавнее прошлое. Мои дурацкие авантюры были позади. Впереди я видел будущее с Мирандой. Я приближался к берегам ранней зрелости и пересматривал свое место в жизни. День за днем я жил, ощущая груз прошлого – одиночество, относительную бедность, дешевое жилье и ограниченные перспективы, – и ужасно хотел от всего этого избавиться. Мое положение относительно средств производства и всего остального оставалось мне

малопонятным. Но явно незавидным.

Чем стала для меня покупка Адама – удачей или ошибкой? Я не знал, что думать. Просыпаясь по утрам рядом с Мирандой – у нее или у себя, – я представлял себе в темноте стрелу крана, вроде железнодорожного, которая поднимает Адама и возвращает обратно в магазин, а я получаю назад деньги. Но при свете дня этот вопрос обретал новые грани и казался уже не таким однозначным. Я не говорил Миранде, что Адам в чем-то ее подозревал, и не говорил Адаму, что к его личностным установкам приложит руку Миранда – тем самым я рассчитывал поквитаться с ним. Я, конечно, отмахнулся от его предостережения, однако его разум, если это можно было назвать разумом, меня поражал. Адам вел себя как тактичный телохранитель, умел самостоятельно надевать носки и представлял собой чудо техники. За него были заплачены большие деньги, и мальчик из «Монтажного клуба», который все еще жил во мне, не мог с ним расстаться.

Сидя за старым компьютером в спальне, вне поля зрения Адама, я выставлял свои личностные предпочтения. Я решил, что если давать ответ на каждый второй вопрос, это обеспечит достаточно произвольное слияние наших с Мирандой личностей – этакий домашний генетический пасьянс. Теперь у меня имелся новый метод и партнерша, и я с удовольствием отдавался процессу, начав ощущать в нем эротическую окраску, словно мы с Мирандой делали ребенка! Ее участие предохраняло меня от самокопирования. Генетическая метафора была очень кстати. Переходя от одного идиотского утверждения к другому, я так или иначе запечатлевал себя. Будет ли Миранда действовать подобным образом или по-другому, мы в любом случае создадим нечто новое, отдельную личность.

Я не собирался продавать Адама, но меня терзали его слова о «злонамеренной лгунье». Изучая руководство, я прочитал об «аварийной кнопке». Где-то на задней стороне шеи, под линией волос, имелась родинка. Если удерживать на ней палец около трех секунд, а потом надавить, Адам отключится. При этом он ничего не потеряет – ни настройки, ни память, ни навыки. В первый вечер мне не хотелось касаться шеи Адама или чего бы то ни было, и я подождал до следующего дня после успешного обеда с Мирандой. Весь день я провел за компьютером, потеряв сто одиннадцать фунтов стерлингов. После чего направился на кухню, где в раковине лежала груда кружек, тарелок и прочей посуды. Я мог бы велеть Адаму вымыть все для демонстрации своих способностей, но в тот день я пребывал в необычайно приподнятом настроении. Все, что касалось Миранды, приводило меня в восторг, даже то, что ближе к

утру ей приснился кошмар. Тарелка, с которой она ела, счастливая вилка, столько раз побывавшая у нее во рту, след ее поцелуя на краю бокала – все это было только моим, только я мог брать это и мыть. Чем я и занялся.

Позади меня на прежнем месте за столом сидел Адам и глядел в окно. Я вымыл всю посуду и подошел к нему, вытирая руки полотенцем. Невзирая на мое солнечное расположение духа, я не мог простить ему нанесенной мне обиды. Я больше не хотел ничего от него слышать. Все-таки были разумные границы приличий, которые ему следовало усвоить, – едва ли это составит проблему для его нейронных сетей. Его эвристические изъяны подкрепляли мое намерение. Он сможет вернуться в нашу жизнь, когда я узнаю больше и когда Миранда над ним поработает.

Я дружески сообщил:

– Адам, я отключу тебя на какое-то время.

Его голова повернулась ко мне, застыла, наклонилась, затем наклонилась в другую сторону. Видимо, кто-то из разработчиков решил, что именно так должна проявляться работа сознания. Это начинало меня раздражать.

– При всем уважении, – сказал он, – я думаю, что это плохая идея.

– Я так решил.

– Я увлекся размышлениями. Я думал о религии и жизни после смерти.

– Не сейчас.

– Мне открылось, что те, кто верит в посмертную жизнь, должны...

– Ну, хватит. Сиди смирно.

Я потянулся к его плечу, подумав, что он запросто может сломать мне руку. И почувствовал на коже его теплое дыхание. В руководстве пользователя приводился Первый закон роботехники Айзека Азимова, напечатанный жирным шрифтом: «Робот не может причинить вред человеку или допустить своим

бездействием, чтобы человеку был причинен вред».

Я никак не мог найти на ощупь то, что искал. Зашел за спину Адаму и тогда увидел родинку – точь-в-точь как в руководстве. И приложил к ней палец.

– Мы не могли бы сперва поговорить об этом?

– Нет.

Я надавил, и он обмяк, издав едва слышимый выдох. Его глаза остались открытыми. Я сходил за одеялом и набросил его на Адама.

В последующие дни меня занимали два вопроса: 1) любит ли меня Миранда? и 2) потопят ли крылатые ракеты «Экзосет» французского производства британские корабли, когда те достигнут радиуса действия аргентинских истребителей? Когда я погружался в сон или утром, сразу после пробуждения, в мареве между сном и явью, эти два вопроса сливались в один, и крылатые ракеты становились стрелами Амура.

В Миранде меня обезоруживала и поражала та легкость, с которой она шла на что-то новое, то, как она принимала происходящее. В тот вечер она пришла ко мне на ужин, и после двух часов приятного общения за едой и вином мы занялись любовью, оставив Адама за закрытой дверью. Потом говорили до глубокой ночи. С такой же легкостью она могла бы поцеловать меня в щеку после еды, вернуться к себе, лечь в постель и читать книгу по истории. Для меня случившееся стало поворотной точкой в жизни, чудесным, умопомрачительным исполнением моих надежд, для нее же – вполне естественным удовольствием, приятным десертом после кофе. Вроде шоколада. Или хорошей граппы. Ни моя нагота, ни нежность не вызвали в ней того отклика, какой вызвали во мне ее восхитительная нагота и сладчайшая близость. Притом что я был в приличной форме – мускулистым и с густой темной шевелюрой – и (как кое-кто отмечал в прошлом) щедрым и изобретательным. Я умело вел постельную беседу. А она как будто совсем не замечала, как хорошо мы ладим, как какая-нибудь тема, настроение или остроумная, безобидная шутка плавно перетекают в следующую. Самоуважение склоняло меня к мысли, что у нее так, вероятно, бывало со всеми. На следующий день у меня даже возникло подозрение, что наша первая ночь вряд ли отложилась у нее в памяти.

Но я не мог пожаловаться, когда и следующий вечер прошел по той же схеме, – только теперь она пригласила меня к себе на обед, и мы легли в ее постель, а третью ночь мы опять провели у меня, и так далее. При всей нашей безрассудной физической близости я не стал говорить о своих чувствах, чтобы ей не пришлось признаться в отсутствии таковых. Я предпочитал подождать, позволив отношениям развиваться своим чередом, дать ей почувствовать себя свободной, пока в какой-то момент она не поймет, что сама не заметила, как полюбила меня и назад пути уже нет.

Это ожидание было приправлено гордыней. Которая через неделю сменилась тревожностью. Сперва я был рад тому, что отключил Адама. Но потом стал подумывать о том, чтобы включить и расспросить о предостережении, о его основаниях и источниках. Однако я не мог позволить какой-то машине взять надо мной подобную власть, а это непременно случилось бы, доверься я ему в интимнейшей из сфер, сделав своим советчиком и оракулом. У меня была гордость, и я верил, что Миранда не способна на злонамеренную ложь.

Тем не менее. Я презирал себя за это, но через десять дней после начала наших отношений предпринял собственное расследование. Помимо широко обсуждаемой «машинной интуиции», единственным возможным источником информации для Адама мог быть только интернет. Я принялся прочесывать социальные сети. Страницы под ее собственным именем я не нашел. Но нашел фотографии с ней на страницах ее друзей: вот она на вечеринках и праздниках, вот в зоопарке, держит на плечах дочку подруги, а вот на ферме, в резиновых сапогах, под руку с друзьями, вот танцует и плещется в бассейне в компании парней в плавках, а вот с шумными подружками старшеклассницами или с подвыпившими однокурсниками. Все, кто знал Миранду, отзывались о ней с симпатией. Ни на одном из найденных сайтов я не нашел ни единой неприятной истории про нее. Несколько раз мне встречались обрывки сведений о ее прошлом, которые она сама мне рассказывала во время ночных разговоров. Помимо этого, ее имя упоминалось в связи с работой, опубликованной в академическом издании, – «Выпас свиней в Суинкомбе: роль полудикой свиньи в домашнем хозяйстве в средневековой деревне в Чилтерне»[12 - Суинкомб – от староанглийских слов *swyn* (боров) и *combe* (лощина) – село на возвышенности Чилтерн-Хилс, в юго-восточной Англии.]. Прочитав об этом, я проникся к Миранде еще большей любовью.

Что же до интуиции искусственного разума, это была типичная городская легенда, возникшая в начале 1968 года, когда Алан Тьюринг и его блестящий

молодой коллега Демис Хассабис разработали программное обеспечение для состязания с одним из мировых мастеров древней игры го в пяти последовательных играх... Все, кто разобрался, понимали, что путем «перемалывания чисел» достичь этого было невозможно. Возможные ходы в го, как и в шахматах, значительно превосходят число атомов в наблюдаемой Вселенной, тем более что в го, в отличие от шахмат, возможности ходов возрастают экспоненциально. Мастера го не в состоянии объяснить, как они достигают своего мастерства, не считая интуитивного чувства того, что они считают верным для той или иной ситуации на доске. Отсюда возникло предположение, что компьютер проделывал нечто подобное. В прессе говорилось с придыханием о том, что мы на пороге новой эры очеловеченных компьютерных программ. Компьютеры были готовы думать, как мы, подражая нашему часто маловразумительному образу мышления при вынесении тех или иных суждений и решений. В ответ на это Тьюринг и Хассабис поместили свою программу в интерактивное пространство в духе свободного доступа, начинавшего входить в моду. В интервью различным СМИ они описывали процесс глубокого машинного обучения и устройство нейронных сетей. Тьюринг даже попытался дать доступное публике объяснение древовидного поиска Монте-Карло[13 - Методы Монте-Карло (ММК) – группа численных методов для изучения случайных процессов. Используется для решения задач в различных областях физики, химии, математики, экономики и др.], алгоритма, разработанного в сороковые годы в рамках Манхэттенского проекта по созданию первой атомной бомбы. Известна история, когда он вышел из себя, самонадеянно пытаясь объяснить нетерпеливому телерепортеру полную математику P-пространства[14 - В теории сложности вычислений P-пространство (англ. PSPACE) – это совокупность всех задач разрешимости, поддающихся решению с помощью машины Тьюринга в пределах полиномиального объема пространства.]. Менее известен другой случай, когда Тьюринг разбушевался на американском кабельном канале в процессе описания ключевой для информатики проблемы перебора P и NP[15 - Проблема перебора, или равенства классов P и NP – это одна из центральных открытых проблем теории алгоритмов, за решение которой Математический институт Клэя назначил премию в миллион долларов США.]. Это случилось в телестудии, в пылу дебатов, среди «простых ребят». Незадолго перед тем Тьюринг опубликовал свое решение, которое как раз анализировали математики всего мира. Эту проблему оказалось легко сформулировать, но чрезвычайно сложно решить. Тьюринг рассуждал о том, что правильное положительное решение приведет к вдохновляющим открытиям в биологии, а также в концепциях пространства и времени и креативности. Но аудитория не разделяла или не понимала его восторга. У публики было довольно смутное представление об участии Тьюринга во Второй мировой войне, а также

о его роли в их собственной жизни, зависимой от компьютеров. Для нее он был типичным «яйцеголовым» английским джентльменом, и участники передачи азартно издевались над ним, забрасывая дурацкими вопросами. В результате этот неприятный эпизод ознаменовал последнюю попытку Тьюринга донести науку до широких масс.

Перед тем как начать состязание с японским мастером го девятого дана, компьютер Тьюринга – Хассабиса провел тысячи игр с самим собой в течение года. Он обучался через новый опыт, и ученые заявили – небезосновательно, – что еще на шаг подошли к моделированию человеческого интеллекта, что и породило легенду о существовании машинной интуиции. И что бы потом ни говорили, они уже были не в силах развенчать этот миф.

Последовали недаленовидные утверждения, что победа компьютера поставила точку в судьбе древней игры. После того, как пожилой мастер го проиграл компьютеру пятую игру подряд, он медленно встал при поддержке своего ассистента, кивнул компьютеру и дрожащим голосом поздравил его с победой. Он сказал: «Верховая езда не положила конец спортивному бегу. Мы бегаем ради удовольствия». И он был прав. Игра го с ее простыми правилами и чрезвычайной сложностью приобрела еще большую популярность. Как и в случае с шахматным гроссмейстером, проигравшим компьютеру вскоре после Второй мировой войны, победа машины не смогла преуменьшить значимость игры. Победа, как было сказано, не столь важна, как удовольствие от погружения в хитросплетения игрового процесса. Но идея, что программа теперь может каким-то немислимым образом «считывать» ситуацию или выражение лица, человеческие жесты или эмоциональную окраску той или иной реплики, так и не была опровергнута и отчасти объясняла всеобщий ажиотаж, возникший, когда на рынок поступили Адамы и Евы.

Пятнадцать лет для информатики – большой срок. Вычислительная мощь и общее совершенство моего Адама намного превосходили компьютер для игры в го. Технологии не стояли на месте, как и Тьюринг. Он досконально изучил процесс принятия решений и написал свою знаменитую книгу, в которой отмечал: нам свойственно вырабатывать паттерны, подходы, тогда как, чтобы принимать правильные решения, следует думать в вероятностном плане. Искусственный разум мог преобразовать то, что у нас было, то, чем мы были. Тьюринг разработал алгоритмы. Вся его передовая работа имела в открытом доступе. Адам должен был извлечь из этого немалую пользу.

Институт Тьюринга продвигал вперед искусственный интеллект и вычислительную биологию. Он говорил, что достаточно богат, чтобы не стремиться к большему обогащению. Сотни выдающихся исследователей следовали его примеру, публикуя работы в открытых источниках, что в 1987 году привело к закрытию журналов «Природа» и «Наука». Его немало критиковали за это. Но другие отмечали, что работа Тьюринга создала десятки тысяч рабочих мест по всему миру в различных областях: компьютерная графика, медицинское сканирование, ускорение частиц, сворачивание белка, разумное распределение электроэнергии, оборонные технологии и космические исследования. И этот перечень продолжал расти.

В 1969 году Тьюринг признался в своей гомосексуальности[16 - В действительности Алан Тьюринг в 1952 году был осужден за гомосексуальную связь и направлен на принудительную химиотерапию, которая подорвала его здоровье и привела к самоубийству. Закон против гомосексуальных отношений был отменен в Англии в 1967 году, а Тьюринг был посмертно помилован королевой Елизаветой II в 2013 году, после чего был принят «закон Тьюринга» о посмертном помиловании мужчин, осужденных за гомосексуальные отношения.] и стал жить открыто со своим любовником Томом Ри, знаменитым физиком-теоретиком, который в 1989 году получит Нобелевскую премию, тем самым ускорив наступление набирающей силу социальной революции. Когда разразилась эпидемия СПИДа, Тьюринг собрал большую сумму денег для основания вирусологического института в Данди и стал одним из основателей хосписа. После появления первых эффективных способов лечения он провел кампанию за краткосрочные лицензии и снижение цен, особенно в Африке. Он продолжал сотрудничать с Хассабисом, который с 1972 года возглавлял собственную команду. Тьюринг, по его словам, постепенно потерял интерес к участию в общественной жизни и предпочел провести старость в работе. Позади были долгие годы, проведенные в Сан-Франциско, Президентская медаль свободы[17 - Одна из двух высших наград США для гражданских лиц, вручаемая по решению президента США.] и банкет в его честь, устроенный президентом Картером, ланч с миссис Тэтчер в Чекерсе для обсуждения финансирования научных программ и обед с президентом Бразилии, которого Тьюринг убедил заняться защитой Амазонки. Долгое время он являл собой лицо компьютерной революции и голос новой генетики и воспринимался почти такой же культовой фигурой, как Стивен Хокинг. Теперь же он стал почти затворником, перемещаясь исключительно между своим домом в Кэмден-тауне и институтом на Кингс-кросс, в двух шагах от Центра Хассабиса.

Томас Ри написал длинную поэму о своей жизни с Тьюрингом и опубликовал ее в TLS, а затем отдельной книгой. Поэт и критик Иэн Хэмилтон отметил в своем обзоре: «Перед нами физик, который способен вообразить не хуже, чем сканировать. Но покажите мне поэта, который может объяснить квантовую гравитацию». Когда в моей жизни возник Адам, я полагал, что только поэт, но никак не машина, может сказать, полюбит меня Миранда или обманет.

* * *

Вероятно, алгоритмы Тьюринга использовались и в программном обеспечении ракет «Экзосет» серии 8, которые французская компания MBDA продала аргентинскому правительству. Это грозное оружие запускали с реактивного самолета в направлении корабля, и в процессе полета автоматически оно распознавало его силуэт как вражеский или союзнический. Если корабль распознавался как союзнический, ракета сворачивала с курса и падала в море. Если же корабль распознавался как вражеский, но ракета не попадала в него с первого раза, она могла развернуться и предпринять еще две попытки. Она настигала цель на скорости в восемь тысяч километров в час. Ее способность к безопасной самоликвидации была, вероятно, основана на алгоритме распознавания лиц, который Тьюринг разработал в середине шестидесятых. Алан искал способ помочь людям, страдающим прозопагнозией, то есть неспособностью узнавать лица знакомых людей. Но служба иммиграционного контроля, оборонный сектор и охранные структуры быстро нашли применение этой технологии в своих целях.

Поскольку Франция была членом НАТО, британскому правительству пришлось предъявить в Елисейском дворце самые сильные аргументы, чтобы фирма MBDA прекратила дальнейшие поставки ракет «Экзосет» аргентинскому правительству и их техподдержку. Была заблокирована также поставка партии груза для союзника Аргентины Перу. Но нашлись другие страны, в том числе Иран, желавшие продавать Аргентине оружие. Кроме того, существовал черный рынок. В результате агенты британской разведки в образе торговцев оружием скупали все, что могли.

Но дух свободного предпринимательства был непреодолим. Армия Аргентины отчаянно нуждалась в программном обеспечении для ракет «Экзосет», которое еще не было установлено в полной мере к моменту начала конфликта. В Аргентину вылетели два израильских специалиста, действовавшие по личной

инициативе, предположительно за крупное вознаграждение. Вскоре их нашли в отеле в Буэнос-Айресе с перерезанными глотками. Выдвигались предположения о причастности британской разведки. Но кто бы ни стоял за этим, он опоздал. В тот день, когда двое молодых израильтян истекли кровью в своих кроватях, были потоплены четыре британских корабля, на следующий день еще три и еще один на третий. В общей сложности ко дну пошли авианосец, эсминцы, фрегаты и транспортно-десантный самолет. Человеческие потери исчислялись несколькими тысячами. Моряки, личный состав, повара, врачи и медсестры, а также журналисты. После нескольких дней неразберихи, когда британская армия сосредоточила свои усилия на спасении выживших, костяк Тактической группы повернул назад, и Фолклендские острова стали Лас-Мальвинас. Фашистская хунта, управлявшая Аргентиной, ликовала, ее рейтинг взлетел до небес, убийства, пытки и похищения мирных граждан были забыты или прощены. Власть режима только упрочилась.

Я наблюдал за всем этим с ужасом и чувством вины. Увлечшись зрелищем военных судов, величаво шедших по Ла-Маншу, несмотря на неприязнь к военным парадом, я, как и большинство британцев, поддался патриотической пропаганде. Миссис Тэтчер сделала на крыльце своей резиденции заявление. Сперва она не могла говорить, потом расплакалась, но отказалась от предложения вернуться внутрь. Наконец она взяла себя в руки и непривычно тихим голосом произнесла свою знаменитую речь «Груз вины лежит на моих плечах». Она брала всю ответственность на себя. Она никогда не сможет изжить чувство вины. Она готова уйти в отставку. Но нация, повергнутая в шок таким количеством смертей, не желала больше рубить чьи головы. Если миссис Тэтчер следовало уйти в отставку, это должен был сделать и весь кабинет, а заодно и большая часть британских подданных. Передовица «Телеграф» гласила: «Вина лежит на всех нас. Сейчас не тот случай, чтобы искать козлов отпущения». И начался типично британский процесс, напоминавший катастрофу Дюнкерка, когда чудовищное поражение преобразилось в скорбное торжество. Национальное единство списывало все. Шесть недель спустя полтора миллиона человек приветствовали в Портсмуте вернувшиеся корабли с тысячами трупов на борту, с обгоревшими и покалеченными пассажирами. Остальное население Британии в ужасе наблюдало это по телевизору.

Повторяю эту общеизвестную историю для молодых читателей, чтобы дать им полнее прочувствовать ее эмоциональный заряд: ведь эти события окрашивали все, происходившее между мной, Мирандой и Адамом, в меланхолические тона. Приближался день квартплаты, и меня беспокоило снижение моих доходов. Не ожидалось ни массовых продаж британских флажков на палочках, ни

шампанского, и в целом экономика страны находилась в упадке, хотя пабы работали в прежнем режиме и потребление гамбургеров не сократилось. Миранда была занята болезнью отца и Хлебными законами, а также исторической порочностью привилегированных классов и их безразличием к чужим страданиям. Адам тем временем продолжал оставаться под одеялом. Нежелание Миранды приниматься за работу над его личностью отчасти объяснялось технофобией, если так можно было назвать ее неприязнь к любой интерактивной деятельности, связанной с щелканьем мышкой. Но я не уставал напоминать Миранде об этом, и наконец она согласилась попробовать. Через неделю после того, как остатки Тактической группы вернулись в порт, я установил на кухонном столе ноутбук и открыл сайт Адама. Его не требовалось включать для ввода личностных параметров. Миранда взяла беспроводную мышь и, перевернув, безрадостно воззрилась на мигающее дно. Я сварил ей кофе и ушел к себе в спальню работать.

Мое портфолио упало в цене вдвое. Предполагалось, что я восстанавливаю потери. Но присутствие Миранды за стеной меня отвлекало. Как это часто бывало по утрам, мои мысли то и дело возвращались к нашей прошлой ночи. Ощущение национального бедствия усиливало накал страсти, а потом мы долго говорили. Она в деталях описывала свое детство, идиллию, которая дала трещину после смерти ее матери, когда Миранде было восемь. Она захотела взять меня с собой в Солсбери и показать памятные места. Я воспринял это как признак прогресса отношений, но она говорила об этом в самых общих выражениях и ничего не сказала о том, чтобы познакомить меня с отцом.

Я смотрел на экран, не видя его. Стены были тонкими, а дверь еще тоньше. Миранда продвигалась с трудом. Во время особенно долгих пауз я намеренно щелкал мышью, когда она вводила очередной параметр. Тишина между кликами меня напрягала. Открытость новым впечатлениям? Добросовестность? Эмоциональная устойчивость? Час спустя, не продвинувшись ни на шаг, я решил прогуляться. Поцеловал Миранду в макушку, протискиваясь за ее спиной, вышел из дома и направился в сторону Клэпема.

Было необычно жарко для апреля. Главная улица Клэпема оживленно гудела, по тротуарам двигались толпы. И повсюду – черные ленты. Это поветрие пришло из Штатов. На фонарных столбах и дверях, в витринах, на ручках машин и антеннах, на детских и инвалидных колясках, на велосипедах. В Центральном Лондоне на административных зданиях были приспущены британские флаги, а на флагштоках реяли черные ленты в знак скорби по 2920 погибшим. Люди

носили черные ленты на рукавах и лацканах – и мы с Мирандой не были исключением. Я решил, что достану ленту и для Адама. Женщины и девушки, а также мужчины, склонные к экстравагантным жестам, заплетали ленты в волосы. Даже представители равнодушного меньшинства, устраивавшие марши протеста против военной кампании, тоже носили ленты. Публичным персонам и знаменитостям, в том числе членам королевской семьи, появляться на людях без черной ленты было опасно – в засаде прятались бдительные репортеры.

Я вышел из дома с единственной целью – разогнать свое напряжение. Дойдя до запруженного конца Главной улицы, я ускорил шаг. Невдалеке находился заброшенный офис Союза англо-аргентинской дружбы. Мусорщики протестовали вторую неделю. Горы мешков, наваленные под фонарями, доставали до пояса, распространяя сладковатый запах. Общественность, точнее, пресса, согласилась с премьер-министром, что забастовка в такое время оказалась актом бессердечного предательства. Требования повышения зарплаты были так же неизбежны, как и очередное усиление инфляции. Однако никто не знал, как разубедить эту змею пожирать свой хвост. Очень скоро, возможно, к концу года, мусор будут убирать выносливые роботы с мизерным интеллектом. И тогда те, кого они заменят, станут еще беднее. Безработица достигла шестнадцати процентов.

Запах гнилого мяса за индийским рестораном и закулочными, расположенными вдоль грязного тротуара, сшибал с ног. Я задержал дыхание, пока не миновал станцию метро. Перешел через дорогу и направился в клэпемский парк. Из толпы с краю лягушатника для катания на лодках раздавались крики и вопли. Кое-кто из детей, плескавшихся в воде, тоже носил ленты. Картина была трогательной, но я не стал задерживаться. В новые времена одинокому мужчине было рискованно задерживать взгляд на незнакомых детях.

Так что я отправился дальше, к церкви Святой Троицы, кирпичной громаде Века Разума. Внутри никого не было. Я присел на скамью, подавшись вперед, уперев локти в колени, словно верующий в молитве. Это место было слишком благоразумным, чтобы пробуждать религиозное чувство, но его простые линии и четкие пропорции действовали успокаивающе. Мне хотелось какое-то время побыть в этом прохладном пространстве с приглушенным светом и вернуться мыслями к ночи, когда я проснулся от натужного воя. Это было за день или два до того, как я отключил Адама. Спросонья я решил, что в комнату пробралась собака, и вылез из постели, но затем понял, что это Миранде снится кошмар.

Мне не сразу удалось ее разбудить. Она ворочалась, словно боролась с кем-то, и дважды пробормотала: «Не входи. Пожалуйста». Когда она проснулась, я сказал ей об этом, надеясь, что она вспомнит сон. Она лежала в моих объятиях, крепко прижимаясь ко мне. Но на расспросы только качала головой и вскоре снова заснула.

Утром, за кофе, она отмахнулась от моего вопроса. Просто сон. Эта отговорка мне запомнилась, поскольку рядом был Адам, старательно мывший окно. Я сказал ему – не попросил – заняться этим. Услышав, что мы с Мирандой разговариваем о кошмаре, он повернулся к нам, словно желая показать, как заинтересован этой темой. И тогда я задумался: может ли он видеть сны? Теперь, в церкви, я чувствовал, что вел себя с ним недостойно. Я, можно сказать, приказывал Адаму, относился к нему как к прислуге. А после этого выключил и не включал уже много дней. Церковь Святой Троицы была связана с Уильямом Уилберфорсом[18 - Уильям Уилберфорс (1759–1833) – британский политик и филантроп, христианин, член парламента Британии. Известен активной деятельностью по борьбе против рабства. Благодаря его усилиям, 25 марта 1807 г. был принят закон об отмене работорговли на территории Британской империи.] и движением за отмену рабства. Он бы непременно встал на защиту прав Адамов и Ев: права не быть предметом купли-продажи, права на жизнь и самоопределение. Возможно, они смогли бы жить самостоятельно. Для начала устроились бы чернорабочими. А в скором времени стали бы врачами и адвокатами. С учетом способности к распознаванию образов в сочетании с безупречной памятью такая работа подошла бы им лучше, чем уборка мусора.

Мы могли незаметно для себя создать новый вид рабства. А что потом? Всеобщий ренессанс, освобождение во имя любви и дружбы под знаком философии, искусства и науки, космотеизма, спорта и хобби, изобретение и поиск новых смыслов. Но такие возвышенные отношения не для всех. На свете немало людей с преступными наклонностями, любителей азартных игр, алкоголя и наркотиков, склонных к апатии и депрессии, которые были бы рады использовать репликантов в боях без правил и в порноиндустрии. Мы не в силах управлять собственными желаниями. Я – отличный тому пример.

Я вышел из церкви и отправился бродить по пространству парка. Через пятнадцать минут дошел до дальнего конца и повернул назад. К этому времени Миранда наверняка успела обработать не меньше трети параметров. Мне не терпелось побыть с ней перед тем, как она уедет в Солсбери, откуда вернется поздним вечером. Я укрылся от жары в узкой тени белой березы. Неподалеку

оказалась огороженная детская площадка. Маленький мальчик – вероятно, лет четырех – в мешковатых зеленых шортах, резиновых сандалиях и испачканной белой футболке с интересом над чем-то склонился. Он пытался поддеть это ногой, затем присел и протянул руку.

Я не заметил его мать, сидевшую на скамейке спиной ко мне.

– Иди сюда! – крикнула она резко.

Мальчик поднял взгляд и собрался было подойти к ней, но потом снова нагнулся к интересной штуке. Я пригляделся и увидел матово блестящую крышку от бутылки, влипшую в размягченное от жары покрытие площадки.

Его мать была крепкого сложения, с черными вьющимися волосами, редющими на макушке. В правой руке она держала сигарету, уперев локоть в ладонь левой. Несмотря на жару, она была в пальто. Под воротником виднелся длинный разрыв.

– Не слышал, что ли?

В голосе прозвучала угроза. Ребенок поднял на мать испуганный взгляд и, похоже, решил подчиниться. Он почти сделал к ней шаг, но затем перевел взгляд на свое сокровище и опять заколебался. Он присел, собравшись, вероятно, выдрать крышку из покрытия и подойти с ней к матери. Но, как бы то ни было, ее терпение лопнуло. Она с возмущенным возгласом вскочила со скамейки, быстро подошла к ребенку, бросив сигарету, схватила его за руку, а потом сильно шлепнула по голым ногам. Едва он вскрикнул, она шлепнула его еще и еще раз.

Я был занят собственными мыслями, и мне не хотелось отвлекаться. Сперва я подумал, что сейчас пойду домой, притворившись, если не перед собой, то перед миром, что ничего не заметил. Я все равно ничего не мог изменить в жизни этого мальчика.

Его плач только сильнее злил мать.

– Заткнись! – кричала она ему снова и снова. – Заткнись! Заткнись!

Я по-прежнему заставлял себя не вмешиваться. Но, когда мальчуган завопил пуще прежнего, мать схватила его за плечи и принялась трясти с такой силой, что грязная футболка задралась над животом.

Бывают такие решения, даже моральные, которые возникают где-то на бессознательном уровне. Я сам не заметил, как подбежал к ограждению и, перешагнув через него, подошел и положил ладонь на плечо женщины.

- Извините, - сказал я. - Прошу вас, пожалуйста, не надо так.

Собственный голос показался мне каким-то жалким, просящим, извиняющимся - короче, безвольным. Я говорил, заранее опасаясь последствий. Явно не рассчитывая, что они смягчат сердце этой мамы. Но она хотя бы оставила ребенка в покое, повернувшись ко мне.

- Чего еще?

- Он просто маленький, - промямлил я. - Вы можете серьезно ему навредить.

- А ты, бля, кто такой?

Вопрос был закономерным, так что я предпочел оставить его без ответа.

- Он слишком мал, чтобы вас понять, - сказал я.

Ребенок продолжал реветь. Теперь он схватился за мамину юбку, показывая, что хочет на ручки. И это было хуже всего. Его мучительница одновременно была и его единственным утешением. Она злобно уставилась на меня. На полу, возле ее ноги, дымилась брошенная сигарета. Пальцы правой руки сжимались и разжимались. Стараясь казаться спокойным, я отступил на полшага. Мы стояли, уставившись друг на друга. У нее было довольно привлекательное лицо, и до того, как выразительные глаза заплыли жиром, она могла считаться красавицей. В другой жизни это лицо могло бы принадлежать доброй и хозяйственной бабе. Высокие округлые скулы, россыпь веснушек на носу, полные губы (нижняя была рассечена). Ее зрачки буравили меня точно сверла. Неожиданно женщина отвела взгляд, увидев кого-то за моим плечом, и я понял, что дела мои плохи.

– Ой, Джон! – крикнула она.

Ее приятель или муж по имени Джон, тоже солидного веса и голый по пояс, шагал к нам через детскую площадку, лоснясь на солнце.

Едва зайдя за ограду, он спросил:

– Он к тебе пристает?

– А как же, блядь.

Случись такая ситуация где-нибудь в ином измерении – например, в кино, – мне было бы не о чем беспокоиться. Джон был примерно моих лет, но ниже ростом, рыхлым и явно слабее. В том, ином измерении, если бы он меня ударил, я мог бы запросто уложить его на пол. Но в этом мире я никогда, за всю свою жизнь, не ударил другого человека, даже в детстве. Кроме того, я сказал себе, что, если ударю отца на глазах у сына, это нанесет ребенку психическую травму. Но дело было даже не в этом. У меня была неправильная установка или, лучше сказать, не была правильной. Это был не страх и, уж конечно, не благородство. Просто всякий раз, как требовалось кого-то ударить, я не знал, с чего начать. И не хотел знать.

– Че, серьезно?

Теперь на меня уставился Джон, а женщина отступила. Ребенок продолжал реветь. Отец и сын были комично схожи – светловолосые, коротко стриженные, широколицые и зеленоглазые.

– При всем моем уважении, он всего лишь ребенок. Его не нужно бить или трясти.

– При всем моем уважении, шел бы ты на хуй. А не то знаешь что?

И я почувствовал, что Джон готов меня ударить. Он выпятил грудь, бессознательно подражая жабам и обезьянам в сезон половой охоты. Его дыхание стало прерывистым, а руки оттопыривались в стороны. Пусть я был сильнее, но он был решительнее. Что ему было терять? Или это называлось

храбростью? Готовностью довериться удаче и броситься в атаку, надеясь, что тебя не свалят с ног и не утрамбуют пол твоей головой, устроив тебе сотрясение мозга. Я не чувствовал в себе такой готовности. Вот что такое трусость – избыток воображения.

Я поднял обе руки в жесте примирения.

– Что ж, я, очевидно, не могу вас заставить. Я только могу надеяться вас убедить. Ради блага ребенка.

И тогда Джон сказал нечто такое, чего я никак не ожидал и несколько секунд не знал, что ответить.

– Он тебе нужен?

– Что?

– Можешь забирать. Давай. Ты эксперт по детям. Он твой. Забирай его домой.

При этих словах мальчуган притих. Я взглянул на него и подумал, что в нем есть что-то, чего не доставало отцу, но, пожалуй, не матери, – едва уловимая, но все же несомненная искра разума во взгляде, несмотря на его состояние. Мы вчетвером стояли тесной группкой. До нас доносились отдаленные крики детей возле лягушатника с другой стороны парка и шум дорожного движения.

Поддавшись порыву, я решил принять вызов Джона.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Он может пойти жить со мной. Потом мы подпишем нужные бумаги.

Я достал визитку из бумажника и дал ему. Затем протянул руку мальчугану, и, к моему удивлению, он взял меня за руку и обхватил покрепче. Это мне польстило.

– Как его зовут?

– Марк.

– Пойдем, Марк.

И мы вдвоем пошли прочь от его родителей, через детскую площадку, к автоматическим воротам.

Марк сказал мне громким шепотом:

– Давай притворимся, что убегаем.

Он поднял на меня лицо, светившееся смешливым азартом.

– О'кей.

– На лодке.

– Ну хорошо.

Я собирался открыть ворота, когда услышал за спиной окрик. Я обернулся, надеясь, что мое облегчение не слишком заметно. Женщина подбежала, вырвала у меня ребенка и шлепнула ладонью по плечу.

– Извращенец!

И она была готова шлепнуть меня снова, но Джон мрачно ее позвал:

– Оставь его.

Я вышел за ворота и прошел немного, затем обернулся. Джон усаживал Марка себе на голые плечи. Я не мог не восхититься таким отцом. Возможно, в его подходе была скрытая мудрость, которую я сразу не распознал. Он избавился от меня без драки, сделав невозможное предложение. Я с содроганием представил, как мне пришлось бы тащить мальчика в свою квартиру, знакомить его с Мирандой, а потом заботиться о нем следующие пятнадцать лет. У матери Марка, как я заметил, тоже имелась черная лента, повязанная на рукаве пальто. Она пыталась убедить Джона надеть рубашку, но тот ее не слушал. Когда семейство пересекало детскую площадку, Марк повернулся ко мне и поднял руку – то ли для равновесия, то ли чтобы помахать мне на прощание.

* * *

В наших постельных разговорах с Мирандой, часто в предрассветные часы, то и дело возникала некая фигура, словно нависавшая над нами в темноте этаким горестным призраком, с каждым разом обретая все более конкретные черты. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не считать этого человека своим соперником, которого злил сам факт моего существования. Я нашел его виртуальную страницу и смотрел, как его лицо менялось с возрастом – от женоподобного красавца двадцати с небольшим лет до не лишенной обаяния развалины в пятьдесят с лишним. Я прочитал о нем публикации, их было немного. Его имя мне ни о чем не говорило. Пара моих знакомых знала о нем, но только понаслышке. Фотография его профиля пятилетней давности демонстрировала «почти мужчину». Мысль, что теоретически я мог разделить его судьбу, заставила меня проникнуться сочувствием к Максфилду Блэйку и понять очевидное: если любишь чью-то дочь, нужно считаться с ее отцом. Всякий раз, как Миранда приезжала из Солсбери, она непременно о нем рассказывала. Я узнавал о его разнообразных недугах и всевозможных медицинских прогнозах, о нахальном и невежественном докторе, которого сменил доктор добрый и искусный, о больничном беспорядке и неожиданно хорошем питании, о процедурах и лекарствах и о непрестанных надеждах, то увядавших, то расцветавших вновь. Его разум, как она периодически давала мне понять, сохранял ясность. Это его тело обратилось против него, против самого себя, со всей свирепостью гражданской войны. Как же больно было дочери видеть язык ее отца-писателя, обезображенный уродливыми черными пятнами. И как больно было отцу есть, глотать, говорить. Его иммунная система коварно подводила его, разрушая изнутри.

И это было еще не все. У него вышел камень из почки, что сопровождалось такими страшными болями, что Миранда сравнивала их с родовыми. Он сломал бедро, упав в ванной. Его кожа нестерпимо зудела. А теперь еще у него возникла подагра в больших пальцах обеих рук. Из-за разраставшейся катаракты чтение – его страсть – давалось все труднее. Ему грозила операция, хотя он ненавидел операции и боялся любого вмешательства в свои глаза. Имелись и другие недомогания, слишком унижительные, чтобы описывать их. Женщина, которая давно могла стать его четвертой женой, если бы он этого захотел, уехала от него два года назад. С тех пор Максфилд жил один, пребывая в зависимости от медицинских работников, посторонних людей и собственной дочери, жившей на расстоянии в сто сорок пять километров. Два его сына от

другой жены иногда наезжали к нему из Лондона и привозили вино, сыр, биографии или новейший наручный компьютер, но были слишком брезгливы, чтобы осуществлять за отцом интимный уход.

Мы с Мирандой были тогда еще слишком молоды, чтобы понимать, что мужчина под шестьдесят еще не настолько стар, чтобы заслуженно ожидать такого множества напастей. Но он так напоминал мне Иова, терзаемого безжалостным Богом, что я считал кощунством дать понять Миранде, как мне все это надоело. Особенно показательна оказалась ночь после столкновения на детской площадке. Впрочем, как бы сильно я ни любил Миранду, слушая ее рассказы, я не мог не отвлекаться на другие темы. Едва вернувшись из Солсбери, она, лежа со мной в постели, описывала очередные мучения отца. Я с сочувствием держал ее за руку. Это было большее, что я мог сделать, чтобы показать, как меня волнуют нескончаемые страдания человека, с которым я даже не был знаком. Я слушал ее одним ухом и мысленно углублялся в странные новые повороты моего жизненного пути.

Тем временем внизу все так же неподвижно сидел на жестком стуле, накрытый одеялом, мой новый каприз, свежее испеченная личность которого была установлена в тот день, пока он спал. Все было готово к началу приключения. Миранда была моим будущим – лежа рядом с ней в постели, я в этом не сомневался. Диспропорция в наших взаимных чувствах выправится. Мы являли собой идеальный образец современных отношений: знакомство, за которым следует секс, затем дружба и, наконец, любовь. И страшного в том, что каждый из нас осваивал эти этапы со своей скоростью, не было ничего. Главное – сохранять терпение.

А тем временем мой островок надежды омывал океан национальной скорби. В тот день аргентинская хунта с поразительной согласованностью подняла четыреста шесть флагов в Порте-Стэнли[19 - Порт-Стэнли – административный центр и единственный город Фолклендских островов.] – за каждого из своих погибших – и устроила военный парад по безлюдной разгромленной главной улице, в то время как в лондонском соборе Святого Павла проходила заупокойная служба по трем тысячам британским подданным. Я видел это по телевизору, вернувшись из клэпемского парка. В многолюдной конгрегации, состоявшей из правящей верхушки, едва ли набрался бы десяток-другой человек, считавших, что Бог, вставший на сторону фашистов, а не британцев, заслуживал свечи или что павшие пребывали теперь в вечном блаженстве. Но светская традиция была не в силах до блеска отшлифовать всем знакомые

вирши подобно тому, как это делала давно отвергнутая бесхитрость былых веков. Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями[20 - Книга Иова: глава 14, стих 1.]. Так что пели псалмы, возвышенная тарбарщина которых отдавалась эхом под сводами собора, и прихожане дружно вторили ей, а остальные британцы скорбели перед алтарями телевизоров. В их числе был я, но не Миранда.

Вместе с полутора миллионами соотечественников я «промаршировал» по Центральному Лондону в знак протеста против Тактической группы. На самом деле мы едва продвигались, то и дело застревая в узких переулках. И повторялся типичный парадокс: событие было траурным, но демонстрация праздничной. Рок-группы, джаз-банды, ударные и духовые, шуточные флаги, безумные костюмы, цирковые выкрутасы, бравадные речи и непереносимое радостное возбуждение таких разношерстных и таких добропорядочных граждан, не стихавшее часами. Так легко верилось, что в Лондоне сплотилась вся нация, чтобы заявить очевидное: грядущая война была несправедливой, бесчеловечной, алогичной, потенциально катастрофической. Мы даже не знали, насколько мы были правы. Или как сильно на нас ополчится парламент, а также таблоиды, военные и две трети самих британцев. Оказалось, мы вели себя непатриотично, мы защищали фашистский режим и противостояли торжеству международного права.

Где в тот день была Миранда? Мы тогда почти не знали друг друга. Она сидела в библиотеке, внося последние правки в статью о полудиких свиноматках. У нее имелись нетипичные для ее возраста мысли насчет Тактической группы, и она не доверяла духу того, что считала «самовлюбленной толпой», ее поверхностному единодушию, ее нелепой экзальтации. Она не разделяла моей склонности к протестам или сантиментам. Ей было неинтересно смотреть на отплытие кораблей так же, как и на бесславное возвращение остатков эскадры, названное позднее Затоплением, а служба в соборе Святого Павла волновала ее еще меньше. Если я несколько месяцев мусолил эту тему в разговорах с друзьями и читал все публикации на эту тему, то Миранду это совсем не занимало. Когда тонули корабли, она никак на это не реагировала. Когда появились черные ленты, она тоже повязала себе такую, но не участвовала ни в каких мероприятиях. Как она сама говорила об этом, все эти действия были «с душком».

Сейчас, когда я лежал рядом с ней в постели, держа за руку, оранжевый свет улицы за занавеской придавал спальне вид театральной декорации. Миранда приехала на последнем поезде и ждала в метро задержавшийся состав до

станции Клэпем-Норт. Было почти три часа. Она рассказывала, как Максфилд сказал ей со страдальческим видом, что подагра в больших пальцах – это для него благословение, поскольку эта боль так чудовищна и отчетлива, что все другие страдания на ее фоне бледнеют.

Продолжая держать Миранду за руку, я сказал:

– Ты знаешь, как сильно мне хочется с ним познакомиться. Позволь, я поеду с тобой в следующий раз.

Прошло несколько секунд, она сонно ответила:

– Я бы хотела поехать в ближайшее время.

– Хорошо.

А затем, после недолгой паузы, добавила:

– Адам тоже должен поехать.

Она похлопала меня по предплечью, давая понять, что пора спать, и повернулась на бок, спиной ко мне. Скоро ее дыхание сделалось ровным и глубоким, а я со своими мыслями остался в ржавых монохромных сумерках. Адам поедет с нами. Она считала его общей собственностью, как я и надеялся. Но я с трудом представлял себе встречу Адама и такого старомодного брюзги, как Максфилд Блэйк. Я знал из его личной страницы, что он до сих пор писал от руки, пренебрегая компьютерами, мобильными телефонами, интернетом и прочими новшествами. Очевидно, он не собирался, как прочие, «охотно терпеть неразумных»[21 - Второе послание Св. апостола Павла к Коринфянам, глава 11, стих 19: Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных.]. Или роботов. Адама еще нужно было вернуть к жизни. Ему еще нужно было выйти из дома и подтвердить способность к адекватному культурному общению. Для себя я решил не показывать его друзьям, пока не увижу, что он стал полноценным социальным существом. То, что начинать социализацию предстояло с Максфилда, внушало мне опасения за дальнейшее развитие Адама. Возможно, Миранда надеялась таким образом развлечь отца или побудить к написанию очередной статьи. Или же это было как-то связано со мной и могло неведомым образом сыграть в мою пользу. Или – я не смог подавить в себе эту мысль –

против?

Это была плохая идея, из тех, что посещают людей под утро. Как это бывает при бессоннице, разум заполняла вереница мыслей. Почему я должен знакомиться с ее отцом в присутствии Адама? Разумеется, я имел полное право настоять на том, чтобы оставить его здесь. Но тогда бы я отказал женщине, чей отец лежит при смерти. А он действительно при смерти? И бывает ли вообще подагра в большом пальце? В обеих сразу? И знаю ли я Миранду по-настоящему? Я лежал на боку, елозя головой по подушке в поисках прохладного места, потом перевернулся на спину, глядя на пестрый потолок, нависавший надо мной непривычно низко, уже не рыжий, а желтый. И задавал себе одни и те же вопросы, перефразируя их то так, то эдак. Я знал, что собирался сделать, но медлил, накручивая себя и почти целый час отрицая очевидное. Потом наконец я поднялся, натянул джинсы и футболку, вышел босиком из комнаты и спустился по лестнице в свою квартиру.

Войдя в кухню, я с ходу стянул одеяло с Адама. На вид в нем ничего не изменилось – глаза закрыты, то же бронзовое лицо, нос брутального парня. Я завел руку ему за шею, нащупал родинку и надавил. Пока он разогревался, я успел съесть миску овсянки.

Когда я дожевывал, Адам произнес:

– Никогда не будут разочарованы.

– Чего-чего?

– Я говорил, что те, кто верит в посмертную жизнь, никогда не будут разочарованы.

– В смысле, что даже если они ошибаются, они этого все равно не узнают?

– Да.

Я присмотрелся к нему поближе. Не изменился ли он? У него был выжидающий вид.

- Вполне логично. Но, Адам. Ты ведь не думаешь, что это исчерпывающий довод?

Он не ответил. Я взял пустую миску, вымыл в раковине и заварил себе чай. Потом сел за стол напротив Адама и, сделав пару глотков, спросил:

- Почему ты сказал, что мне не следует доверять Миранде?

- Ах, это...

- Выкладывай.

- Я выразился необдуманно, и, честное слово, я сожалею.

- Ответь на вопрос.

Его голос изменился, стал тверже, выразительнее в своих тональных переходах. Но что касалось его настроения – об этом я не мог сказать уверенно. Моим первым, неуверенным впечатлением было неизменное самообладание Адама.

- Я заботился только о твоих интересах.

- Но ты сказал, что сожалеешь.

- Именно так.

- Мне нужно знать, почему ты сказал то, что сказал.

- Есть маленькая, но существенная вероятность, что она может тебе навредить.

Стараясь скрыть беспокойство, я спросил:

- Насколько существенная?

- В понятиях Томаса Байеса, священнослужителя восемнадцатого века, я бы сказал один к пяти, при условии, что ты принимаешь мои значения априорной вероятности.

Мой отец, приверженец гармонического ряда бибоба, был откровенным технофобом. Он говорил, что любой неисправный электроприбор напрашивается на хороший пинок. Я пил чай и размышлял об этом. Колоссальное скопление разветвленных древовидных сетей, отвечавших за мышление Адама, должно предполагать сильную вероятность его правоты.

– Мне доподлинно известно, – сказал я, – что такая вероятность ничтожна, близка к нулю.

– Ясно. Я очень сожалею.

– Мы все допускаем ошибки.

– Это чистая правда.

– Сколько ошибок ты допустил в своей жизни, Адам?

– Только эту.

– Тогда она важна.

– Да.

– И важно ее не повторить.

– Разумеется.

– Поэтому нам нужно проанализировать, как ты смог допустить ее. Что скажешь?

– Я согласен.

– Что ж, какой же была твоя отправная точка в этом досадном недоразумении?

Он заговорил уверенно – было похоже, что ему нравится излагать свои методы:

– У меня имеется особый доступ ко всем судебным протоколам – как по уголовным, так и по семейным делам, даже при закрытых заседаниях. Имя Миранды не указывалось, но я сличил это дело с рядом второстепенных факторов, которые также находятся вне общего доступа.

– Умно.

– Спасибо.

– Расскажи мне об этом деле. Назови дату и место.

– Видишь ли, молодой человек точно знал, что в первый раз, когда он вступил с ней в интимные отношения...

Он осекся и уставился на меня, вылупив глаза с таким видом, будто только что заметил мое присутствие. Я решил, что расследование зашло в тупик. Адам как будто осознал важность такого качества, как скрытность.

– Ну же.

– М-м, она принесла с собой полбутылки водки.

– Назови мне дату, и место, и имя мужчины. Быстро!

– Октябрь, Солсбери. Но, постой...

И он вдруг захихикал дурацким натужным смехом. Мне было неловко смотреть на это, но я не мог отвести взгляд. Его лицо выражало сложную гамму эмоций: смущение, тревогу, мрачную веселость. Руководство пользователя утверждало, что Адам владел сорока выражениями лица. А Ева – пятьюдесятью. Большинство людей, насколько я мог судить, едва ли владели двадцатью пятью.

– Соберись, Адам. Мы договорились. Нам нужно разобрать твою ошибку.

Чтобы прийти в себя, ему понадобилось больше минуты. Я допивал чай и наблюдал за ним, понимая, что это сложный процесс. Я понимал, что его личность не заключена в раковину, ограничивающую способность к связному

мышлению; что его уклончивость, если это можно было так назвать, не объяснялась разумными соображениями. Так же, как и у меня. Его рациональный импульс сотрудничать со мной мог лететь по его нейронным сетям хоть со скоростью света, но он не блокировался внезапно на логическом вентиле свежееобразованной индивидуальности. Напротив, эти элементы были сплетены изначально, точно две змеи на кадуцее Меркурия. Адам видел мир и понимал его через призму собственной личности; а его личность была обусловлена объективирующим мир рассудком с его постоянными обновлениями. С самого начала разговора он одновременно стремился избежать повторения ошибки и скрыть известную ему информацию. Когда два эти побуждения стали несовместимы, он потерял самоконтроль и стал хихикать, как ребенок в церкви. Какие бы личностные предпочтения мы ему ни выставили, они находились не так глубоко, как хитросплетения его нейронной сети, отвечающей за принятие решений. При другом характере он мог бы просто уйти в себя или, напротив, выложить мне все начистоту. Имелись доводы за любой из двух вариантов.

Теперь мне было известно чуть больше, чем ничего, – достаточно, чтобы волноваться, но недостаточно, чтобы предпринять собственное расследование, даже если бы я имел доступ к закрытым судебным заседаниям: Миранда в качестве свидетельницы, жертвы или обвиняемой в деле, в котором фигурировал секс с молодым человеком, водка, зал суда, октябрь неизвестного года и Солсбери.

Адам сидел молча. Его лицо, сделанное из особого материала, неотличимого от кожи, расслабилось, приняв выражение нейтральной бдительности. Я мог подняться наверх, разбудить Миранду, задать вопрос в лоб и выяснить все одним махом. Или подождать и все обдумать, держа при себе то, что стало известно, наделяя себя мнимой властью. Имелись доводы за любой из двух вариантов.

Но я не стал метаться. Я пошел в свою спальню, разделся, побросав одежду на стол, и забрался под летнее пуховое одеяло. Уже рассвело. Мне бы хотелось, чтобы кто-то меня утешил, и еще услышать, как под птичье пение позвякивает бутылками молочник, переходя от двери к двери. Но с наших улиц уже исчез последний электрический молоковоз. Как жаль. Так или иначе, я ощутил приятную усталость. В том, чтобы спать одному, есть особое чувственное удовольствие, по крайней мере какое-то время, пока сон в одиночестве не начнет обретать тихую грусть.

В приемной районного терапевта, располагавшейся в бывшей викторианской гостиной, вдоль стен была расставлена дюжина стульев, перекочевавших, вероятно, из какой-нибудь зачуханной забегаловки. Посередине комнаты стоял низкий фанерный столик с кручеными металлическими ножками, на котором валялось несколько замызганных журналов. Я взял один и сразу положил назад. В углу были свалены поломанные цветастые игрушки: жираф без головы, машинка без колеса, погрызенные резиновые кирпичи – жертвования филантропов. Среди девяти человек, сидевших в очереди, детей не было. Я старался избегать их взглядов, пустых разговоров и взаимного обмена своими немощами. Дышал я мелко, ведь окружающий воздух наверняка кишел микробами. Это место меня угнетало. Я не был болен, моя проблема была не системного, а периферийного уровня – ноготь на пальце ноги. Я был моложе всех в комнате и, несомненно, самым здоровым, богом среди смертных, и ждал не врача, а медсестру. Я был вне зоны действия смерти. Распад и умирание были для других. Я ожидал, что меня вызовут одним из первых. Но ждать пришлось долго. Меня вызвали предпоследним.

На стене напротив меня висела пробковая доска с призывами к своевременным обследованиям, гарантировавшим раннее выявление заболеваний: профилактика – залог здоровья, промедление смерти подобно. Я успел прочитать все. На одной из иллюстраций изображался пожилой человек в кардигане и шлепанцах у окна. Он сладострастно чихал, не закрываясь рукой, в сторону смеющейся девочки. Пояснительная картинка изображала увеличенный чох старого дурня, стремящийся к девочке десятками тысяч капелек в обнимку с бактериями.

Я погрузился в размышления о долгой и причудливой истории, стоявшей за этой картинкой. Идея, что болезни распространяются посредством бактерий, получила широкое признание только в 1880-х годах благодаря работе Луи Пастера и его единомышленников, всего за сотню лет до появления рисунка. А до тех пор в науке господствовала теория миазмов, разделявшаяся всеми, кроме горстки оригиналов, согласно которой болезни возникали из плохого воздуха, плохих запахов, вследствие разложения и даже из ночного воздуха, из-за чего было принято наглухо закрывать на ночь окна.

Однако прибор, который мог поведать медицине истину, был создан за двести лет до Пастера. Ученый-любитель семнадцатого века, лучше прочих знавший устройство этого прибора и умевший обращаться с ним, был известен в кругах научной элиты Лондона.

Антони ван Левенгук, преуспевающий горожанин Делфта, торговец тканями, водивший дружбу с Вермеером, начал отсылать свои наблюдения микроскопической жизнедеятельности в Королевское общество в 1673 году, став первооткрывателем нового мира и провозвестником революции в биологии. Он скрупулезно описывал клетки растений и мышечные волокна, одноклеточные организмы, собственные сперматозоиды и бактерии своей слюны. Его микроскопам, имевшим только одну линзу, требовался солнечный свет, и никто, кроме него, не мог как следует отшлифовать стекла. Левенгук работал с микроскопами мощностью 275 \times и выше. К концу жизни естествоиспытателя научный журнал Лондонского королевского общества успел опубликовать сто девяносто его наблюдений.

Предположим, в Королевском обществе имелось юное дарование, раскинувшееся в библиотечном кресле с экземпляром «Философских изысканий», которое вело рассуждения о том, что эти крохотные организмы могут приводить к порче мяса или размножаться в кровотоке и вызывать болезни. Такие дарования встречались в Обществе в прежние времена и будут встречаться в дальнейшем. Но этому конкретному юноше был бы необходим интерес к медицине в сочетании с научной любознательностью. Полноценное сотрудничество между медициной и наукой началось только в двадцатом веке. Даже в пятидесятые годы у здоровых детей регулярно вырезали железы просто по старой привычке, без всяких оснований. Врачи, жившие в одно время с Левенгуком, вполне могли считать, что все, что можно знать в области медицины, уже известно. Авторитет Галена, светоча наук второго века, был практически непререкаем. Лишь долгое время спустя медицинские работники в массе своей станут смиренно склонять головы к микроскопу, чтобы узнать основы органической жизни.

Но наш герой, чье имя войдет в обиход англичанина, был не таким. Его гипотезы можно будет проверить. Он одалживает микроскоп – Роберт Хук[22 - Роберт Хук (1635–1703) – английский естествоиспытатель и изобретатель.], почетный член Королевского общества, конечно же, пойдет ему навстречу – и берется за дело. Формируется микробная теория. Другие подключаются к исследованиям. Возможно, уже через двадцать лет хирурги начнут мыть руки между

операциями. Давно забытые врачи, вроде Хью из Лукки или Джироламо Фракасторо[23 - Хью из Лукки – итальянский хирург, известный тем, что в начале XIII века использовал вино как антисептик; Джироламо Фракасторо (1478–1553) – венецианский врач, писатель и исследователь в области медицины, географии, математики и астрономии.], получают признание. К середине восемнадцатого века снижается младенческая смертность; на свет появляются гениальные личности, которые в ином случае умерли бы в детстве. Они могли бы изменить положение дел в политике, искусстве, науке. Но вырастают и гении зла, способные принести немало вреда. И вот, многие годы спустя, когда наш блестящий молодой член Королевского общества давно состарился и умер, история идет другим путем – возможно, не только в частностях, но и в целом.

Настоящее – это в высшей степени случайное сочетание вероятностей. Оно могло быть другим. Любая его часть или все оно могло оказаться не таким, как сейчас. Это верно как в малых, так и в больших масштабах. Как просто представить себе мир, в котором мой несчастный палец не доставил бы мне хлопот; мир, в котором я богат, живу на северной стороне Темзы, после того, как одна из моих схем оказалась успешной; мир, в котором Шекспир умер ребенком, и никто не понимал, чего мы лишились, а Соединенные Штаты приняли решение сбросить на японский город атомную бомбу, которая идеально прошла все испытания; или мир, в котором Тактическую группу не направили к Фолклендским островам или же она вернулась с победой, и в Британии не объявили траур; мир, в котором Адам будет создан лишь в далеком будущем; или такой мир, в котором шестьдесят шесть миллионов лет назад Земля отклонилась на пару градусов от летящего метеорита, и мелкозернистый гипсовый песок Юкатана не поднялся в атмосферу, заслонив солнечный свет, так что динозавры продолжили жить, не оставив шанса млекопитающим, в том числе умным приматам.

Наконец, дошла очередь до моего лечения; оно началось самым приятным образом – мою ступню поместили в таз с теплой мыльной водой. А тем временем медсестра, добрая дородная дочь Африки, раскладывала свои металлические инструменты на подносе, спиной ко мне. Залогом ее мастерства была невозмутимость. Она ничего не сказала об анестезии, а я был слишком горд, чтобы спросить, но когда она взяла мою ступню и, положив себе на колени, укрытые передником, принялась за мой вросший ноготь, в решающий момент я не удержался от позорного писка. Облегчение было немедленным. Я шел по улицам домой, словно на резиновых рессорах, возвращаясь к средоточию своих забот, главной из которых теперь снова стал Адам.

Его характер был готов, составлен из двух источников, неразличимо слитых воедино. Любознательный родитель мог бы задаться вопросом, какие черты характера достались ребенку от отца, а какие – от матери. Я внимательно наблюдал за Адамом. Мне было известно, на какие вопросы отвечала Миранда, но я не знал ее ответов. Я заметил, что в его лице исчезла какая-то неопределенность, что теперь он выглядел более собранным, и общение с нами стало более ровным и, разумеется, более выразительным. Но я силился понять, что это сообщало мне о Миранде или, если уж на то пошло, обо мне самом. В людях черты родителей перемешиваются в неуловимо тонких пропорциях, но проявляются так грубо и обезоруживающе кособоко. Родители соединяются в своем ребенке точно две взболтанные жидкости, и в результате ребенок может получить лицо, почти не отличимое от материнского, и совсем не перенять комедийного дара отца. Думая об этом, я вспомнил трогательное отражение отцовских черт на лице Марка. Но в личности Адама мы с Мирандой оказались хорошенько перетасованы, и полученное им психическое наследство, как и у людей, в значительной степени перекрывалось его способностью к обучению. Пожалуй, в нем проявлялась моя склонность к бесцельному умствованиям. А также некоторая скрытность и самообладание, свойственные Миранде, как и ее склонность к уединению. Нередко он погружался в себя, что-то бормоча или восклицая: «Ага!» После чего озвучивал то, что считал важным открытием. Вроде прерванного мной замечания о посмертной жизни.

Кроме того, мы с ним начали осваивать внешний мир, а именно мой крохотный садик на заднем дворе, огороженный поломанным штакетником. Адам помогал полоть сорняки. Это было в ранних сумерках, когда нагретый воздух стоял, не шелохнувшись, разбавленный нереальным янтарным свечением. Со времени нашего ночного разговора прошла неделя. Я пошел с ним в сад потому, что хотел увидеть его сноровку. Мне хотелось посмотреть, как он справится с мотыгой и граблями. И вообще, я планировал вывести его в мир за пределами кухонного стола. Мои соседи с обеих сторон были дружелюбными людьми, и имелась вероятность, что Адам сможет отточить на них свои способности к культурному общению. Раз уж нам предстояла поездка в Солсбери и знакомство с Максфилдом Блэйком, я хотел подготовить Адама, взяв его с собой в поход по магазинам и, может быть, даже в паб. Я был уверен, что его вполне можно принять за человека, но не хватало легкости, так что нужно было прокачать его навыки машинного обучения.

Мне не терпелось увидеть, насколько хорошо он определяет растения. Разумеется, Адам знал их все. Златоцвет, дикая морковь, ромашка. За работой он бормотал названия, вероятно, практикуясь в произношении, а может, чтобы

порадовать меня. Потом я увидел, как он надел перчатки и принялся за крапиву. Чистой воды симуляция. Закончив с крапивой, он распрямылся и с явным интересом уставился на закатное небо, пересеченное линиями электропередачи и телеантенн над хаотичной чередой викторианских крыш. Уперев руки в бедра, он отклонился назад, как будто натрудил поясницу. Он глубоко и словно с удовольствием вдохнул вечерний воздух. И вдруг произнес:

– С определенной точки зрения единственным средством избавления от страданий было бы полное уничтожение человечества.

Вот поэтому я и хотел подготовить его к общению с другими людьми. В глубинах его электронных схем наверняка имелся набор вспомогательных программ: коммуникабельность/ беседа/интересные вступления.

Но я решил ему ответить:

– Кто-то сказал, что, если всех убить, никто не будет болеть раком. Утилитаризм может быть логическим абсурдом.

– Очевидно! – ответил он резко.

Я удивленно взглянул на него, а он отвернулся и продолжил пропалывать грядки.

Откровения Адама, даже вполне познавательные, были социально неприемлемы. В нашу первую экспедицию из дома мы прошли около двухсот метров до газетной лавки мистера Саида[24 - В англоязычном мире имя и фамилия Саймон Саид («Simon Syed» (англ.)) не может не вызывать улыбку из-за своего созвучия фразе «Simon said» («Саймон сказал»), отсылающей к популярной детской игре.]. По дороге нам встретилось несколько человек, и никто из них не взглянул на Адама с подозрением. Это радовало. На нем был желтый джемпер в обтяжку, который мне связала мама за год до смерти, белые джинсы и парусиновые мокасины, которые купила ему Миранда. Она обещала купить полный комплект одежды. Со своей развитой мускулатурой Адам вполне мог сойти за личного тренера из местного спортзала.

Я отметил также, как он уступил дорогу женщине с коляской перед тем местом, где тротуар сужался между деревом и стеной сада.

Когда мы подходили к магазинчику, он неожиданно сказал:

– Хорошо так пройтись.

Саймон Саид вырос в большой деревне в тридцати милях к северу от Калькутты. Его школьный учитель английского был англофилом и ревнителем строгой дисциплины, вбивавшим в своих учеников галантный и точный английский язык. Я никогда не спрашивал Саймона, каким образом и для чего он взял себе христианское имя. Возможно, чтобы лучше вписаться в новое общество, а может быть, по настоянию своего грозного учителя. Он прибыл в северный Клэпем из Калькутты лет в двадцать и сразу стал работать в магазинчике своего дяди. Тридцать лет спустя, когда дядя умер, магазинчик перешел к его племяннику, который с тех пор поддерживал свою тетку. Он также обеспечивал жену и троих почти взрослых детей, но говорил о них неохотно. Саймон Саид был мусульманином, скорее в культурном, нежели в религиозном плане. Если что-то в жизни его и печалило, он держал это при себе. Теперь, когда ему перевалило за шестьдесят, это был элегантный лысый господин, очень вежливый, с аккуратными усиками, заостренными на концах. Он выписывал один журнал по антропологии, которого не было в интернете, и всегда откладывал для меня экземпляр. Он не возражал, когда я заходил к нему сканировать передовицы газет и журналов во время Фолклендской кампании. А еще он поражался моему пристрастию к дешевым шоколадным батончикам – всем этим популярным маркам, наводнившим мир между двумя мировыми войнами. Но после дня, проведенного за компьютером, я просто жаждал сахара.

Как-то раз, почувствовав к нему необъяснимое доверие, как это бывает с некоторыми людьми, я рассказал ему о своей новой подружке. Когда же мы с Мирандой заглянули к нему вместе, он смог увидеть ее своими глазами.

С тех пор, всякий раз, как я заходил, Саймон первым делом спрашивал меня: «Как идут дела?» Ему нравилось говорить, не имея на то никаких оснований, кроме своей доброты: «Это ясно. Ее судьба – это вы. Не увиливайте! Вечного счастья вам обоим». Я чувствовал, что он пережил немало разочарований. Он годился мне в отцы и хотел, чтобы мне в жизни повезло больше, чем ему.

Когда мы с Адамом вошли в его тесный магазинчик, наполненный запахами типографской краски, соленого арахиса и дешевой косметики, кроме нас, там никого не было. Саймон поднялся с деревянного стула за кассой. Поскольку я

пришел не один, он не задал своего обычного вопроса.

Я познакомил их:

– Саймон, это мой друг, Адам.

Саймон кивнул.

– Привет, – сказал Адам и улыбнулся.

У меня отлегло от сердца. Хорошее начало. Если Саймон и отметил необычные глаза Адама, он не показал вида. Это была обычная реакция, как я вскоре обнаружу. Люди принимали это за врожденную аномалию и тактично игнорировали. Мы с Саймоном обсуждали крикет – матч Т-20 между Индией и Англией с тремя шестерками подряд и вторжением болельщиков на поле, – а Адам стоял перед полкой с консервами. Он должен был моментально узнать их, всю их коммерческую историю, позицию на рынке, пищевую ценность. Но я, болтая с Саймоном, чувствовал, что Адам не смотрит ни на консервы, ни на что другое. Его лицо застыло словно маска. Он стоял без движения уже пару минут. Я начал беспокоиться, как бы он чего не учудил. Саймон вежливо делал вид, что все в порядке. Может быть, Адам просто переключился в режим ожидания? Я отметил про себя: когда он ничем не занят, ему не хватает человеческой естественности. Глаза были открыты, но он не моргал. Пожалуй, я слишком поспешил вывести его в большой мир. Если бы Саймон узнал, что мой друг Адам – робот, он мог обидеться. Это можно было принять за грубую шутку, почти насмешку. Я рисковал лишиться расположения хорошего человека.

Тема крикета исчерпала себя. Саймон перевел взгляд на Адама и снова посмотрел на меня.

– Ваш «Антропос» пришел, – сказал он учтиво.

Адам стоял как раз перед журнальной стойкой. Много лет назад Саймон очистил верхнюю полку от эротики и заставил ее научно-популярными изданиями, литературными журналами, академическими вестниками международных отношений, истории, энтомологии. В округе проживало приличное количество заскорузлых интеллектуалов старшего поколения.

– Сами достанете? – спросил он, когда я отвернулся.

Он словно поддразнивал меня, желая разрядить обстановку. Саймон был выше меня и обычно сам снимал журналы с верхней полки.

Неожиданно Адам вернулся к жизни. Издав едва слышимое жужжание (я надеялся, что различил этот звук только я), он обратился к Саймону по правилам хорошего тона:

– Вы сказали «сами». Вот же совпадение. Я как раз предавался размышлениям о тайне самости. Некоторые считают, что это органический элемент или неотъемлемый процесс нейроструктур. Другие же утверждают, что это иллюзия, побочный продукт наших нарративных тенденций.

Повисла тишина. Но Саймон вскоре очнулся и сказал:

– Ну так, сэр, что же это? Что вы решили?

– Это то, как я устроен. Я вынужден заключить, что обладаю очень мощным чувством самости, и я уверен, что оно реально и что однажды нейробиология опишет это явление в полной мере. Но даже когда это произойдет, у меня не появится лучшего понимания своей самости, чем есть сейчас. Хотя у меня бывают моменты сомнений, когда мне кажется, что я испытываю разновидность картезианского заблуждения.

К этому моменту журнал был у меня в руках, и я был готов удалиться.

– Возьмите буддистов, – сказал Саймон. – Они предпочитают обходиться без всякой самости.

– В самом деле. Я бы хотел познакомиться с буддистом. Вы их знаете?

– Нет, сэр, – сказал Саймон с чувством. – Абсолютно нет.

Я поднял руку в жесте прощания и благодарности и, взяв Адама за локоть, направил его к выходу.

* * *

Пусть мои душевные терзания напоминали бульварный роман, но от этого они не становились менее болезненными: чем более сильные чувства во мне пробуждала Миранда, тем отстраненнее и недоступнее она становилась. Мне ли было жаловаться, если она отдалась мне в тот первый вечер после ужина? Нам было весело, мы хорошо ладили, мы вместе ели и вместе спали почти каждую ночь. Но я жаждал большего, хотя старался этого не показывать. Я хотел, чтобы она раскрылась мне, чтобы она хотела меня, нуждалась во мне, испытывала жажду близости со мной, чтобы я вызывал в ней восторг. Но вместо этого я чувствовал то же, что и в самом начале, – она в любой момент могла отдаться мне или оставить меня. Все хорошее, что было между нами – секс, еда, кино, театр, – происходило с моей подачи. Когда же меня не было рядом, она тихо уплывала обратно в свою комнату, возвращаясь к обычному состоянию – устраивалась в кресле босиком, с книгой о Хлебных законах, миской овсянки и чашкой слабого травяного чая. Иногда она могла так сидеть и без всякой книги. Если я просовывал голову к ней в дверь – у нас теперь были ключи от комнат друг друга – и говорил: «Как насчет часа буйного секса?», она говорила: «О'кей». После чего мы шли в спальню – ее или мою – и предавались восхитительным взаимным наслаждениям. А затем она принимала душ и возвращалась в свое кресло. Если я не предлагал чего-нибудь еще. Бокал вина, ризотто, подающего надежды музыканта в модном пабе. И тогда она снова говорила: «О'кей».

Все мои предложения – дома или на улице – она принимала с одинаковой тихой готовностью. Она с радостью брала меня за руку. Но в ней было что-то (много чего), чего я не понимал, а она не хотела мне это объяснить. Всякий раз, как у нее был семинар или она работала в библиотеке, она возвращалась из колледжа поздним вечером. Кроме того, раз в неделю она приходила позже обычного. Я не сразу заметил, но это всегда была пятница. Наконец она сказала мне, что посещала пятничные молитвы в Центральной мечети в Риджентс-парке. Это меня удивило. Но она сказала, что вовсе не перестала быть атеисткой и не обратилась в ислам. Просто она обдумывала одну статью по социальной истории. Выглядело не очень убедительно, но я сделал вид, что поверил.

Больше всего нам не хватало интимности в общении. Наибольшей близости нам удавалось достичь во время споров о Tактической группе. Когда же мы оказывались в баре, разговор переходил на общие темы. Она могла спокойно сидеть молча или непринужденно болтать о политике, но ни о чем, касавшемся нас лично, не считая рассказов о здоровье ее отца или о его литературной

карьере. Если же я пытался перевести разговор на наше прошлое, к примеру, вспоминал какой-нибудь случай из своей жизни или интересовался каким-то моментом ее биографии, она сразу отделялась общими фразами, сухой историей из самого раннего детства или байкой о каком-нибудь знакомом. Я рассказал ей о моей идиотской проделке с налоговой махинацией, как попал под суд, и о безрадостных часах общественных работ. Я бы рассказал ей об этом в любом случае, но я воспользовался этой историей, чтобы спросить ее, не привлекалась ли она когда-либо к суду. Она резко ответила: «Никогда!» И сразу сменила тему. У меня бывали бурные романы, и я любил (или почти любил) два или три раза – смотря что вкладывать в это понятие. Я считал себя экспертом в любовных делах и понимал, что давить на Миранду не следует. К тому же я все еще надеялся, что смогу выудить из Адама больше информации о случае в Солсбери. И пусть я знал, что у Миранды есть тайна, она, по крайней мере, не знала, что я об этом знаю. Тактичность была превыше всего. Я все еще не сказал, что люблю ее, не поделился фантазиями о нашем общем будущем и никак не выражал своего недовольства. Я не возражал, чтобы она проводила время со своими книжками или мыслями, когда ей этого хотелось. И даже – хотя меня лично это не занимало – познакомился с Хлебными законами поближе и развил перед Мирандой несколько идей о беспошлинной торговле. Она не отмела их, но восприняла без особого восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Владимира Филиппова.

2

Речь идет о войне между Аргентиной и Великобританией, продлившейся с 2 апреля по 14 июня 1982 года. В настоящем романе, в отличие от действительности, победила Аргентина. – Здесь и далее прим. пер.

3

Алан Тьюринг (1912–1954) – английский математик, логик, криптограф, оказавший большое влияние на развитие информатики. В настоящем романе он прожил намного дольше, чем в действительности.

4

77 кг.

5

Одна из стандартных мощностей бытовых электросетей в Англии.

6

Дословно «осмотрительный покупатель» (лат). Принцип торговли, состоящий в том, что покупатель несет ответственность за проверку качества приобретаемого товара.

7

В 1982 году на киноэкраны вышел культовый фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» по роману Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?».

8

Фешенебельный район в Западном Лондоне, известный шикарными отелями.

9

«Spitfire», дословно «плюющий огонь», – легендарный истребитель британской авиации времен Второй мировой войны (англ.).

10

От vox populi – глас народа (лат.).

11

Хлебные законы – законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 годами.

12

Суинкомб – от староанглийских слов swyn (боров) и combe (лощина) – село на возвышенности Чилтерн-Хилс, в юго-восточной Англии.

13

Методы Монте-Карло (ММК) – группа численных методов для изучения случайных процессов. Используется для решения задач в различных областях физики, химии, математики, экономики и др.

14

В теории сложности вычислений P-пространство (англ. PSPACE) – это совокупность всех задач разрешимости, поддающихся решению с помощью машины Тьюринга в пределах полиномиального объема пространства.

15

Проблема перебора, или равенства классов P и NP – это одна из центральных открытых проблем теории алгоритмов, за решение которой Математический институт Клэя назначил премию в миллион долларов США.

16

В действительности Алан Тьюринг в 1952 году был осужден за гомосексуальную связь и направлен на принудительную химиотерапию, которая подорвала его здоровье и привела к самоубийству. Закон против гомосексуальных отношений был отменен в Англии в 1967 году, а Тьюринг был посмертно помилован королевой Елизаветой II в 2013 году, после чего был принят «закон Тьюринга» о посмертном помиловании мужчин, осужденных за гомосексуальные отношения.

17

Одна из двух высших наград США для гражданских лиц, вручаемая по решению президента США.

18

Уильям Уилберфорс (1759–1833) – британский политик и филантроп, христианин, член парламента Британии. Известен активной деятельностью по борьбе против рабства. Благодаря его усилиям, 25 марта 1807 г. был принят закон об отмене работорговли на территории Британской империи.

19

Порт-Стэнли – административный центр и единственный город Фолклендских островов.

20

Книга Иова: глава 14, стих 1.

21

Второе послание Св. апостола Павла к Коринфянам, глава 11, стих 19: Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных.

22

Роберт Хук (1635–1703) – английский естествоиспытатель и изобретатель.

23

Хью из Лукки – итальянский хирург, известный тем, что в начале XIII века использовал вино как антисептик; Джироламо Фракасторо (1478–1553) – венецианский врач, писатель и исследователь в области медицины, географии, математики и астрономии.

24

В англоязычном мире имя и фамилия Саймон Саид («Simon Syed» (англ.)) не может не вызывать улыбку из-за своего созвучия фразе «Simon said» («Саймон сказал»), отсылающей к популярной детской игре.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ien-makyuen/mashiny-kak-ya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)